

Научное
Студенческое
Общество
Юридического факультета МГУ

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ
МГУ ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

ПАЧОЛИ
КОНСАЛТИНГ

ПРОБЕЛЫ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

МОСКВА, МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

18-21 МАРТА 2024 г.

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
ПРОБЕЛЫ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова

18–21 марта 2024 г.

Сборник тезисов

Оргкомитет:

А.С. Мартынов, А.Г. Мартиросян, А.Д. Настеко, А.К. Назарова, К.Ю. Алексеева, Т.В. Грошилина

Ответственный редактор: *А.С. Мартынов*

П78

Пробелы в российском праве : Материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых ; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 18–21 марта 2024 г. : Сборник тезисов / Отв. ред. – А.С. Мартынов. – Москва : МАКС Пресс, 2025. – 60 с.

ISBN 978-5-317-07371-8

<https://doi.org/10.29003/m4370.978-5-317-07371-8>

Публикуется сборник тезисов конференции «Пробелы в российском праве», проходившей на юридическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в марте 2024 года. Данный сборник представляет собой коллекцию научных работ, посвященных идентификации и анализу пробелов в российской правовой системе.

Сборник включает в себя широкий спектр исследований, посвященных различным аспектам пробелов в российском праве. Его авторы преимущественно студенты юридических вузов.

Сборник представляет собой ценный ресурс для студентов юридических вузов, профессиональных юристов, исследователей и всех заинтересованных лиц, стремящихся понять и устранить пробелы в российской правовой системе с целью ее совершенствования и эффективной работы на благо общества.

УДК 340
ББК 67.0

Gaps in Russian Law : Materials of the All-Russian Scientific Conference of Students, postgraduates and Young Scientists ; Moscow, Lomonosov Moscow State University, 18–21, March, 2024 : Collection of abstracts. – Moscow: MAKS Press, 2025. –60 p.

ISBN 978-5-317-07371-8

<https://doi.org/10.29003/m4370.978-5-317-07371-8>

A collection of abstracts from the conference “Gaps in Russian Law”, held at the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University in March 2024 is published. This collection is a collection of scientific works devoted to the identification and analysis of gaps in the Russian legal system.

The collection includes a wide range of studies devoted to various aspects of gaps in Russian law. Its authors are primarily law students.

The collection is a valuable resource for law students, legal professionals, researchers, and all interested parties seeking to understand and address gaps in the Russian legal system in order to improve it and work effectively for the benefit of society.

СОДЕРЖАНИЕ

Тезисы Всероссийской научно-практической конференции «Пробелы в российском праве-2024»

Криминологическая секция «Агрессия и насилие в современном мире»

<i>Зинковская П.Э.</i> Допустимость применения теории «Моральной паники» в исследованиях сексуального насилия над детьми.....	7
<i>Фоменко П.В.</i> Агрессия и насилие в семейных отношениях	8
<i>Ростова У.Д.</i> Насилие со стороны потерпевшего как основание возникновения состояния аффекта в рамках состава преступления, предусмотренного статьей 107 УК РФ.....	11
<i>Мустафазаде Р.Ш.</i> Бытовое насилие в Азербайджане: законодательство и практика борьбы	14
<i>Лукашов В.В.</i> К вопросу о криминализации ответственности за домашнее насилие	16
<i>Совина А.В.</i> Кибербуллинг как особый вид проявления агрессии в современном мире.....	18
<i>Завязкина А.Р.</i> Агрессия животных и агрессия человека: одинаковы ли?.....	20
<i>Преснякова М.С.</i> Насильственная женская преступность в современной России.....	22
<i>Осмонова А.Б.</i> Домашнее насилие в отношении женщин	23
<i>Чернакова А.А.</i> Кибернизация насильственной преступности: современные вызовы	26

Уголовно-правовая секция «Охрана человеческого достоинства уголовно-правовыми средствами»

<i>Миронова В.Д.</i> Охрана человеческого достоинства в связи с развитием биотехнологий.....	28
<i>Магомедов А.А.</i> Эмпирическое исследование по уголовным делам о домашнем насилии.....	30
<i>Завязкина А.Р.</i> Заведомость как признак клеветы.....	32
<i>Равилов И.Р.</i> Проблемы квалификации насильственных хищений по признакам объективной стороны.....	34
<i>Игнатьева Д.Д.</i> Некоторые проблемные вопросы квалификации участия в деятельности экстремистской организации.....	36
<i>Зинковская П.Э.</i> Защита человеческого достоинства путем запрета принудительного брака	38
<i>Фоменко П.В.</i> Охрана человеческого достоинства представителя власти уголовно-правовыми способами.....	40

Частно-правовая секция «Аналогия закона и права как способ преодоления правовых пробелов в рамках гражданского права и гражданского процесса»

<i>Бутузова К.И.</i> Правовые проблемы и неопределенности института групповых исков в гражданском процессуальном праве России.....	42
<i>Никитин А.Д.</i> Применение аналогии закона и права в сделках РЕПО и банкротный приоритет покупателя ценных бумаг	44
<i>Евстафьева В.М.</i> Субсидиарное применение гражданского законодательства к трудовым правоотношениям: устранение пробелов или дополнительное регулирование?	46

**Государственно-правовая секция
«Санкции и односторонние ограничительные меры
в современном правовом дискурсе»**

<i>Панков А.А.</i> Цифровые технологии и санкционный режим в отношении России	48
<i>Гутникова М.О., Бишарян Е.С.</i> Пробелы правового регулирования статуса иностранного агента в Российской Федерации.....	50
<i>Атажанов Ф.С.</i> Временное управление имуществом как специальная экономическая мера в Российской Федерации: пределы ограничения права собственности	53
<i>Дементьева Е.С.</i> Проблема разграничения понятий «санкции» и «односторонние ограничительные меры»	56
<i>Котовой А.С.</i> Влияние санкций на институт прекращения права собственности	58

***Тезисы
Всероссийской
научно-практической
конференции
«Пробелы
в российском праве-2024»***

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ «АГРЕССИЯ И НАСИЛИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

Допустимость применения теории «Моральной паники» в исследованиях сексуального насилия над детьми

*Зинковская Полина Эльбертовна,
студентка (магистр),
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
юридический факультет,
Москва, Россия,
e-mail: polinamissu@mail.ru*

Сингер Дж. Кауфман, М. Магуайр пишут, что иногда законодатель принимает те или иные нормы права «с целью уменьшения социального страха». Одна из главных ценностей всех обществ — дети, поэтому многие зарубежные и российские исследования отмечают, что зачастую они выступают одним из самых распространенных объектов моральной паники. Это может проявляться двояко: как напрямую, когда социальная группа детей (чаще молодежи) воспринимается в качестве источника опасности («народные дьяволы»), так и косвенно, когда дети выступают в качестве объекта посягательства «народных дьяволов». В предисловии к третьему изданию «Народные дьяволы и моральная паника. Становление модов и рокеров» С. Коэн перечисляет семь объектов моральной паники, одним из которых является насилие над детьми (безнадзорность, физическое насилие, сексуальное насилие). Дети и молодежь были ядром исследования С. Коэна. Влияние его работ было настолько велико, что большинство последующих работ (16,8%) посвящено именно этой теме.

Самые яркие примеры теории «моральной паники» также неразрывно связаны с детьми. Помимо классических примеров, приводимых в литературе, можно вспомнить «дело Утро, которое привело к реформированию судебной системы во Франции и даже к снижению обвинительных приговоров по изнасилованиям на 40%. При этом Ж.К. Мажанди объясняет, что судебная система, несмотря на необходимость рефлексии, должна оставаться независимой от общественного мнения. Тем не менее на практике суды склонны ориентироваться на настроения общества (например, более или менее строгие приговоры в отношении дел, которые получили общественную огласку). Подобная тенденция наблюдается и на уровне законодательства (например, изменения законодательства после дел «Синего кита»).

В связи с этим необходимо поставить вопросы о том, кто является «моральными предпринимателями» при формировании «моральной паники», связанной с насилием над детьми? Как соотносятся понятия «моральная паника» и «моральное регулирование»? Возможно ли в целом говорить о моральной панике в вопросах, которые касаются подобных преступлений?

Источники и литература

1. Maguire, Mary & Singer, Jennie A False Sense of Security: Moral Panic Driven Sex Offender Legislation. *Critical Criminology*. — 2011. — 19. — 301–312.
2. Народные дьяволы и моральная паника. Создание модов и рокеров / пер. с англ. А. Морозова, Д. Хамис; под науч. ред. Е. Бондал. — Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022.
3. Михайлова, О.Р. Кто использует понятие моральной паники? Библиометрический анализ научных публикаций / О.Р. Михайлова // Социологическое обозрение. — 2020. — Т. 19. — № 3.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ «АГРЕССИЯ И НАСИЛИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

Агрессия и насилие в семейных отношениях

Фоменко Полина Вячеславовна,
*студентка (магистр),
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
юридический факультет, кафедра уголовного права и криминологии,
Москва, Россия,
e-mail: polinafomenko2001@mail.ru*

Еще в декабре 1993 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию об искоренении насилия в отношении женщин [1], в которой в первой же статье раскрывается понятие «насилие в отношении женщин». Под ним понимается любой акт насилия, совершенный на основании полового признака, который причиняет или может причинить физический, половой или психологический ущерб или страдания женщинам, а также угрозы совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы, будь то в общественной или личной жизни.

Несмотря на достижения в области гендерного равенства на мировом уровне, женщины до сих пор сталкиваются с дискриминацией и насилием со стороны лиц мужского пола. Эти достижения зачастую и являются мотивом для проявления агрессии со стороны мужчин, поскольку в современном обществе в некоторых семьях происходит смещение последних с должности «основного кормильца семьи» [2]. Так, например, в Зареченском районном суде г. Тулы было рассмотрено дело [3] об убийстве жены мужем на почве ревности. Также мужа не устраивал тот факт, что заработок супруги превышал его собственный.

По результатам криминологических исследований, женщины более подвержены семейному насилию, чем мужчины [4], так как в силу объективных причин (в особенности воспитания) находятся в зоне риска стать «потенциальной жертвой преступника». В семьях зачастую насаждается стратегия молчания, с детства девочкам навязывают быть «умнее», «выше» преступных посягательств в отношении нее. Для описания состояния женщины, находящейся в травмирующих отношениях на протяжении длительного времени, в психологии существует термин «синдром избитой женщины» (Battered Woman Syndrome сокр. BWS), который называют классическим синдромом жертвы. «Синдром жертвы домашнего насилия» — это теория, разработанная психологом Ленор Э. Уокер [5] для объяснения простой «выученной беспомощности» жертв домашнего насилия, позже трактуемая как подвид посттравматического стрессового расстройства [6]. Синдром избитой женщины не признавался в английском суде до дела Ахлувалии [7], в котором он был учтен судом в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность. Однако такие ссылки до сих пор поддаются критике в научной литературе. Основная критика идей Уокер заключается в том, что ее теория уделяет внимание только жертвам женского пола, а также представляет их беспомощными и покорными [8].

Черты жертвы домашнего насилия проявляются еще в самом раннем детстве, когда родители, применяя физическое насилие в воспитательных целях, вызывают в ребенке страх перед самыми близкими людьми. В дальнейшем может происходить заимствование такой модели поведения при создании собственной семьи. Подвергшийся в детстве насилию со стороны близких родственников в силу особенностей характера может так и остаться жертвой, а может превратиться в агрессора. Некоторые психологи объясняют

это особенностями проявляющихся защитных реакций, благодаря которым у одних забываются обиды [9], а у других, наоборот, запоминаются [10]. Можно сказать, агрессор и жертва — две стороны одной медали. Бывает, встречаются сразу обе модели поведения у одного человека (т.н. смешанный тип): по отношению к своим родителям, например, он также остался жертвой, но для своей жены он уже агрессор. Если жертва не получает должной поддержки и защиты от окружающих, она может начать проявлять агрессивное поведение как способ самозащиты или манипуляции ситуацией. Такая стратегия проявляется, например, у зачинщиков буллинга, и, к сожалению, выявление таких лиц весьма затруднительно.

В данном случае представляется разумным подход к решению данной проблемы Соединенных Штатов Америки, которые приняли законы об основном агрессоре (primary aggressor law), согласно которым при задержании насильник определяется исходя из характера повреждений, наличия предшествующих обращений о семейном насилии, действий по самообороне, существования риска безопасности для одной из сторон [11].

Таким образом, является необходимым более детальная разработка методики противодействия насилию в семье с учетом не только правовых, но криминологических характеристик, принимая во внимание такие различные факторы, как физические и психологические особенности лиц, использующих агрессию и насилие в семейных отношениях.

Источники и литература

1. Декларация об искоренении насилия в отношении женщин (Declaration on the Elimination of Violence Against Women, DEVAW) // [Электронный ресурс] URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/declaration-elimination-violence-against-women>
2. Парыгина, Н.А. Женщина — жертва насилия (социологический портрет) / Н.А. Парыгина // Власть и управление на Востоке России. — 2009. — № 1 (46). — С. 212–217.
3. Приговор № 1-140/2012 1-7/2013 от 6 марта 2013 г. по делу № 1-140/2012 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/656739918>
4. Domestic abuse victim characteristics, England and Wales: year ending March 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/crimeandjustice/articles/domesticabusevictimcharacteristicsenglandandwales/yearendin gmarch2022>
5. Walker, L.E.A. The battered woman syndrome / L.E.A. Walker. — Springer publishing company, 2016.
6. Goodmark L. When is a Battered Woman Not a Battered Woman-When She Fights Back // Yale JL & Feminism. — 2008. — Т. 20. — С. 75.
7. Zepinic, V. Battered Woman Syndrome: The Iceberg of Domestic Violence / V. Zepinic // Beijing Law Review. — 2023. — V. 14. — №. 1. — С. 143–161. Pi'etri, Mariel and Agn`es Bonnet. «Analysis of early representations and personality among victims of domestic violence». European Review of Applied Psychology-revue Europeenne De Psychologie Appliquee. — 67. — 2017. — P. 199–206.
8. Murrell, Amy R. et al. Characteristics of Domestic Violence Offenders: Associations with Childhood Exposure to Violence. Journal of Family Violence 22. — 2007. — 523–532.
9. Hirschel, D. A 10-year study of the impact of intimate partner violence primary aggressor laws on single and dual arrest / D. Hirschel, P.D. McCormack, E. Buzawa // Journal of interpersonal violence. — 2017.
10. En dix ans, le nombre de personnes condamnées pour viol a chuté de 40% // Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/police-justice/article/2018/09/14/en-dix-ans-le-n ombre-de-personnes-condamnees-pour-viol-a-chute-de-40_5354839_1653578.html
11. J-K Magendie Les sept p'éch'es capitaux de la justice française // Revue française de criminologie et de droit pénal, vol. 2, avril 2014.

12. Архипова, А. Группы смертик: от игры к моральной панике / А. Архипова, М. Волкова, А. Кирзюк, Е. Малая, Д. Радченко, Е. Югай // Исследовательская группа «Мониторинг актуального фольклора». URL: https://ruthenia.ru/folklore/pdf/2017_kit_print_m.pdf
13. Громов, Д.В. АУЕ: криминализация молодежи и моральная паника / Д.В. Громов / Дмитрий Вячеславович Громов. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — Библиотека журнала «Неприкосновенный запас».
14. Jenkins, P. Maier-Katkin, D. Satanism: Myth and reality in a contemporary moral panic / P. Jenkins. — Crime Law Soc Change. — 1992. — 17. — 53–75.
15. Dicaldo, F. The perversion of youth: Controversies in the assessment and treatment of juvenile sex offenders / F. Dicaldo. The Perversion of Youth: Controversies in the Assessment and Treatment of Juvenile Sex Offenders. — 2009. — 1–267.
16. Cree, Vivienne E, and others (eds), Revisiting Moral Panics Bristol, 2015; online edn, Policy Press Scholarship Online, 21 Jan. 2016.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ «АГРЕССИЯ И НАСИЛИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

Насилие со стороны потерпевшего как основание возникновения состояния аффекта в рамках состава преступления, предусмотренного статьей 107 УК РФ

*Ростова Ульяна Дмитриевна,
студентка (бакалавр),
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
юридический факультет, кафедра уголовного права и криминологии,
Москва, Россия,
e-mail: ulia.rostova@mail.ru*

Умышленное лишение жизни другого человека, даже при наличии тех или иных смягчающих обстоятельств, не извинительно и расценивается нормами закона как убийство. Однако законодатель понимает необходимость выделять привилегированные из всего комплекса простых составов, признавая снижение общественной опасности. При квалификации убийства в состоянии аффекта такими факторами являются: особое психическое состояние преступника и виктимное поведение потерпевшего, поэтому в данном случае необходимо доказать наличие состояния аффекта в каждом конкретном деле, основанием которого обязательно является провокационное поведение потерпевшего.

Интересно заметить, что впервые насильственные действия со стороны потерпевшего стали основанием для возникновения сильного душевного волнения у обвиняемого в убийстве лишь в 1871 г., в редакции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. До этого такой обязательный признак отсутствовал.

В настоящее время перечень оснований для возникновения аффекта расширился, однако причинение насилия имеет ключевое значение. Так, в диспозиции ст. 107 УК РФ законодатель перечисляет следующие виды провоцирующего поведения потерпевшего: насилие, насильственное действие сексуального характера; издевательство; тяжкое оскорбление; другие противоправные действия (бездействие) потерпевшего; аморальные действия (бездействие) потерпевшего; системное противоправное или аморальное поведение потерпевшего. В свою очередь, правоприменители отмечают, что в большинстве случаев имеет место именно насилие со стороны потерпевшего как повод возникновения особого психического состояния у преступника.

Из диспозиции ст. 107 УК РФ непонятно, какое именно насилие со стороны потерпевшего должно иметь место, в связи с чем в доктрине ведутся споры по этому поводу. Так, А.Н. Попов считает, что такое насилие можно понимать не только как физическое, но и как психическое. Однако не все авторы с ним соглашаются. Например, В.И. Ткаченко говорил, что психическое насилие, такое как угроза причинения физического вреда, не может стать основанием для возникновения состояния аффекта. Также Е.В. Сидоров писал, что в контексте нормы об убийстве в состоянии аффекта насилие понимается как посягательство на жизнь, телесную неприкосновенность, здоровье и личную свободу человека. Однако в качестве примера такого посягательства приводит также угрозу таким насилием, что дает основания полагать, что автор допускает психическое насилие как основание возникновения аффекта.

В связи с этим необходимо определить содержание психического насилия. Выделяются два подхода к пониманию данного термина: узкий и широкий, где узкий — это угроза

причинения физического насилия, а широкий — это также и угроза распространения порочащих сведений, угроза уничтожения имущества и иные действия. Мне видится правильным узкий подход, так как действия, подпадающие под широкое понимание, можно отнести к другому основанию, закреплённому в диспозиции ст. 107 УК РФ, а именно: «иные противоправные действия».

Мне кажется, что насилие в контексте убийства, совершенного в состоянии аффекта, близко именно к понятию «нападение», данного в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», где последнее понимается как действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создания реальной угрозы его немедленного применения.

Также необходимо выяснить, должно ли насилие быть противоправным или противозаконным в рамках данного состава. Мне кажется, правильнее говорить именно о противоправности насилия. Данная позиция подтверждается диспозицией рассматриваемой нормы, а также необходима для более правильной квалификации действий преступника, так как не все действия, способные вызвать состояние аффекта, будут наказуемы по Уголовному кодексу. Подобной точки зрения также придерживаются А.Н. Попов, Б.В. Сидоров. Следовательно, причинение правомерного насилия, а именно в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости со стороны потерпевшего, не должно повлечь ответственности для преступника по ст. 107 УК РФ. Стоит также обозначить проблемный вопрос, который не нашел единого мнения среди теоретиков, а именно о заблуждении преступника о противоправности применения насилия потерпевшим.

Подводя итог, хочется сказать, что в связи с отсутствием полной регламентации понятия «насилие» в диспозиции нормы, предусматривающей ответственность за убийство в состоянии аффекта, правоприменители сталкиваются с трудностями при квалификации деяния. Все проблемные вопросы не могут быть рассмотрены в рамках одного выступления, однако основные из них были мной упомянуты. Также стоит заметить, что в каждом конкретном случае действия со стороны потерпевшего будет оценивать суд, а именно — имели ли они место, возможно ли такие действия признать насилием, были ли они противоправны, к кому они были направлены и, самое главное, могли ли они стать основанием возникновения аффекта. В вопросе о наличии состояния аффекта у обвиняемого судьям помогают психиатры в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.

Источники и литература

1. Анисимова, И.А. Проблема определения вида насилия со стороны потерпевшего как основания возникновения аффекта / И.А. Анисимова, И.В. Стеблецова // Вестник науки и образования, 2018. — № 15. — С. 51–53.
2. Бородин, С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву / С.В. Бородин. — М., 2004. — 238 с.
3. Загородников, Н.И. Преступления против здоровья / Н.И. Загородников. — М., 1969. — 168 с.
4. Парницына, О.С. Насилие со стороны потерпевшего как основание возникновения аффекта в уголовном праве / О.С. Парницына // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. — 2015. — № 16. — С. 221–223.
5. Попов, А.Н. Преступление, совершенное в состоянии аффекта (ст.ст. 107, 113 УК РФ) / А.Н. Попов; 2-е изд., испр. и доп. — СПб., 2004. — 132 с.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // «Российская газета» от 30.01.1997. — № 20.
7. Сидоров, Б.В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение / Б.В. Сидоров. — Казань: Издательство Казанского университета, 1978. — 102 с.
8. Сысоева, Т.В. Убийство, совершенное в состоянии аффекта: уголовно-правовые и виктимологические аспекты: дис. ... к.ю.н. / Т.В. Сысоева. — Екатеринбург., 2000. — 147 с.
9. Таганцев, Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: С доп. по 1 янв. 1876 г. / Н.С. Таганцев / Сост. проф. С.-Петербур. ун-та С.Н. Таганцевым. — Тип. М. Стасюлевича, 1876.
10. Ткаченко, В.И. Ответственность за умышленные преступления против жизни и здоровья, совершенные в состоянии аффекта: Учебное пособие / В.И. Ткаченко, Б.В. Здравомыслов. — М.: РИО ВЮЗИ, 1979. — 337 с.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ «АГРЕССИЯ И НАСИЛИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

Бытовое насилие в Азербайджане: законодательство и практика борьбы

Мустафазаде Ровшан Шахин оглы,

аспирант,

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
юридический факультет, кафедра уголовного права и криминологии,*

Москва, Россия,

e-mail: Romamustafaev1997@mail.ru

Позволю себе начать со слов, которые когда-то пробежались по простору четырехугольной белой пустыни по воле Фридриха Ницше: «Тот, у кого есть “зачем” жить, легко выдержит любое “как”».

Заменяя в этом предложении глагол «жить» на глагол «бороться», мы сможем оценить актуальность и значимость проблемы семейного насилия в контексте государственных мер противодействия.

«Зачем бороться?» — именно таким вопросом Азербайджан задался на определенном историческом этапе. Действительно, а зачем? Общество, где есть насилие, не может развиваться.

1. Прежде всего насилие в отношении женщин и детей разрушает жизни, семьи и будущее. Человеческая цена каждого акта насилия не поддается измерению, и это цена, которую Азербайджан не может себе позволить, ни одна женщина не должна нести это.

2. Насилие в отношении женщин подрывает усилия страны по росту и процветанию — исследование ООН показало, что такое насилие будет стоить Азербайджану 764 млн долларов США [1].

Согласно отчету Государственного комитета по проблемам семьи, женщин и детей, в 2022 г. в МВД Азербайджана поступило 9864 обращения в связи с бытовым насилием. Отмечается, что в целом зарегистрировано 1175 преступлений, совершенных в данной связи, в результате чего пострадали 1132 женщины. В целом среди 25 449 жертв преступлений против личности, зарегистрированных в Азербайджане в 2022 году, 7455 женщин, из них 2945 получили ранения, 309 — убиты [2].

Как же бороться? По трем направлениям [3; 45].

I. Законодательное.

1. Международные обязательства. В 1995 году Азербайджан присоединился к Конвенции ООН 1979 г. «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин». Также до сих пор ведутся споры о подписании Конвенции Совета Европы 2011 г. «О предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием».

2. Национальное законодательство представлено двумя законами от 10.10.2006 г. «Об обеспечении гендерного равноправия» и от 22.06.2010 г. «О предотвращении бытового насилия» (далее — закон).

II. Институциональное. На сегодняшний день в Азербайджане есть профильный орган государственной власти, который был создан Указом Президента от 14.01.1998 г. и преобразован Указом Президента от 06.02.2006 г. в Государственный комитет по проблемам семьи, женщин и детей Азербайджана.

III. Информационно-просветительское. К данному направлению следует отнести разные формы информирования населения о проблеме семейного насилия: от лекций в школе до научно-практических конференций, к числу которых относится ежегодная международная компания «16 дней активных действий против гендерного насилия» [4].

Отдельное внимание хочется уделить некоторым положениям закона.

Во-первых, термин «бытовое насилие» в ст. 1 раскрывается через 4 вида насилия: физическое, психическое, применение на бытовой почве незаконных ограничений экономического характера и сексуальное.

Во-вторых, помимо уголовно-процессуального порядка рассмотрения жалоб о бытовом насилии (ст. 7) называется и иной (не связанный с первым) порядок, предполагающий 15 мер государственного реагирования (ст. 8). Среди них особое значение представляют так называемые «охранные ордера» (ст. 10), которые бывают краткосрочными (до 30 суток) и долгосрочными (от 30 до 180 суток) [5; 106].

В-третьих, в ст. 13 с последующей регламентацией перечисляются виды мер в сфере предупреждения, к которым относятся меры правового характера (их 10), социального характера (открытый перечень) и превентивные (их 9).

В-четвертых, следует отметить «банк данных о бытовом насилии», который создается и ведется органом государственной власти, а также центры помощи, услуги которых оказываются не только органами государственной власти на безвозмездной основе.

Хочется закончить словами Е.И. Замятина: «Милосердный Бог медленно сжигает непокорных. Истинная любовь к человеку — ее жестокость. Покуда такая мысль будет считаться нормой для общества, развития трудно и даже невозможно ожидать».

Источники и литература

1. Экономические последствия от насилия против женщин в Азербайджане // URL: <https://interfax.az/view/767044> (дата обращения: 10.03.2024).
2. Отчет за 2022 год Государственного комитета по проблемам семьи, женщин и детей Азербайджанской Республики об анализе судебной практики в сфере защиты жертв бытового насилия // URL: <http://www.scfwca.gov.az/ru/> (дата обращения: 10.03.2024).
3. Курбанов, Г.С. Бытовое насилие в Азербайджане / Г.С. Курбанов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2015. — № 4 (39). — С. 45–51.
4. Global 16 Days Campaign // URL: <https://16dayscampaign.org/> (дата обращения: 10.03.2024).
5. Мовсумова, Ф.Р. Охранные ордера как средство защиты жертв бытового насилия в Азербайджане / Ф.Р. Мовсумова // Мир науки и мысли. — The World of Science and Ideas. — 2023. — № 3. — С. 105–108.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ «АГРЕССИЯ И НАСИЛИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

К вопросу о криминализации ответственности за домашнее насилие

*Лукашов Василий Викторович,
студент (бакалавр),
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
юридический факультет,
Москва, Россия,
e-mail: vasya.lukashov.02@mail.ru*

В настоящее время домашнее насилие является достаточно частым явлением. По статистике Генеральной прокуратуры, каждая пятая женщина в России подвергается домашнему насилию. Из этого числа жертв только 20% женщин сообщают о случившемся в правоохранительные органы.

На то есть весомые причины. Начнем с правовых, таких как отсутствие запрета на приближение (агрессора к жертве), программ по реабилитации жертв и повторной социализации вышедших на свободу осужденных за домашнее насилие. Закончим психологическим отношением большинства населения к самому явлению домашнего насилия. Некоторые граждане ошибочно считают насилие в отношении супруга/супруги или же детей элементом традиционных ценностей или частью механизма построения крепкой семьи. Однако демографические показатели не растут (в 2023 году в России родилось 1,264 млн детей, следует из предварительных данных Росстата, это наименьший показатель с 1999 года, когда родилось 1,214 млн детей и был поставлен антирекорд по числу родившихся за новейшую историю РФ), что свидетельствует об отсутствии истинности в данном суждении. Семейно-бытовое насилие является серьезной угрозой для устойчивого развития нашего государства. Дети, ставшие невольными свидетелями и/или жертвами такого акта агрессии, получают психологические травмы, а порой и заболевания. Институт семьи становится непопулярен, ведь для многих девушек брак с тираном подобен тюремному заключению.

Для повышения демографического роста и улучшения общего психологического здоровья необходимо криминализировать ответственность за домашнее насилие.

Нынешняя озабоченность данным вопросом обусловлена недавней декриминализацией домашнего насилия. Законопроект о декриминализации побоев в семье был направлен в Госдуму 27 июля 2016 года. Сенатор, внесшая данный законопроект, заявила, что возможность нести уголовное наказание за побои в отношении родственников может нанести «непоправимый вред семейным отношениям». В 2017 году закон [1] был принят. Отныне лицо, которое нанесло побои родственникам [2] впервые, несет лишь административное наказание. Однако при повторном совершении данного деяния — уголовное.

Эта схема оказалась бессмысленной, т.к. у женщин, находящихся в браке, отсутствует реальная возможность написать заявление еще раз (конечно, де-юре такая возможность имеется, но на практике семейный тиран запугает супругу, и она уже больше не обратится в полицию). Интересную мысль высказала Ю.П. Горбунова: «Перенесение побоев из категории преступления в правонарушение может восприниматься обидчиком как разрешение к насилию» [3]. Ведь правда, на многих людей действует лишь устрашение, а не здравый смысл. Криминализация ответственности за домашнее насилие необходима.

Стоит сформулировать само понятие «домашнее (семейно-бытовое) насилие». «Семейно-бытовое насилие — умышленное деяние, причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, не содержащее признаков административного правонарушения или уголовного преступления» [4].

Источники и литература

1. Федеральный закон от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации».
2. УПК РФ. Статья 5, п. 4. — https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481
3. Горбунова, Ю.П. Я могу тебя убить, и никто меня не остановит: проблема домашнего насилия в России и реакция государства / Ю.П. Горбунова. — Human Rights Watch, 2018. — 94 с.
4. Проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» (подготовлен Советом Федерации Федерального Собрания РФ 29.11.2019). Статья 2.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ «АГРЕССИЯ И НАСИЛИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

Кибербуллинг как особый вид проявления агрессии в современном мире

*Совина Алена Валерьевна,
студентка (бакалавр),
Финансовый университет, юридический факультет,
Москва, Россия,
e-mail: sovina_alena@bk.ru*

Вместе с активным развитием цифровых технологий, упрощением поддержания контакта в обществе посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, человечество столкнулось с проблемой не только социального регулирования такого общения, но и правового. Травля — агрессивное поведение со стороны одного или нескольких человек (иногда и целых групп) по отношению к другому человеку или нескольким людям с использованием вербальных и невербальных средств коммуникации — существовала всегда, однако в связи с глобализацией и повсеместной цифровизацией современного мира она проявилась и в виртуальной реальности в форме кибербуллинга.

Так, появились новые возможности для реализации агрессии и насилия с помощью социальных сетей. На первый взгляд может показаться, что так называемое выяснение отношений в интернете не может принести никакого негативного опыта — мы вступаем в конфликты с окружающими нас людьми практически каждый день. Однако именно недооценивание этой проблемы, в том числе с правовой стороны, приводит к самым печальным последствиям — от эмоционального расстройства личности до реальных убийств (в том числе и самоубийств).

Кибербуллинг возникает не только в среде общения подростков и молодежи, как принято считать, но и в среде взрослых людей. Нет сомнения, что несовершеннолетние являются объектом наиболее пристального внимания с точки зрения кибербуллинга. Именно у растущего организма с не до конца сформированными нейромедиаторами распространение агрессии, враждебности и критичности к людям и общественным процессам проявляется наиболее ярко. Тем не менее кибербуллинг распространен буквально среди всех возрастных групп, использующих социальные сети, только кто-то подвержен ему больше, а кто-то меньше.

В 2019 году Европейский суд по правам человека впервые рассмотрел жалобу россиянки Валерии Володиной на кибербуллинг. Ее бывший сожитель на протяжении многих лет преследовал ее с помощью использования GPS-трекера, угрожал убийством в социальных сетях, создавал фейковые аккаунты девушки в интернете и распространял личные фотографии, порочащие ее честь и достоинство. Европейский суд по правам человека усмотрел в деле нарушение ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Суд взыскал в пользу Володиной внушительную денежную компенсацию. Стоит отметить, что обращение Валерии Володиной в суд высшей инстанции по защите своих прав стало крайней мерой ввиду бездействия правоохранительных органов.

Кибербуллинг — очередной феномен в обществе, регулирование которого представляет собой «пробел» в российском праве.

По определению, данному законодателем в Письме Минобрнауки России от 14.05.2018 № 08-1184 «О направлении информации», кибербуллинг подразумевает под

собой преследование сообщениями, содержащими оскорбления, агрессию, запугивание; хулиганство; социальное бойкотирование с помощью различных интернет-сервисов.

Иного легального определения в нормативно-правовых актах Российской Федерации не существует, в связи с чем представляется необходимость разработки такового.

В отечественном вопросе ответственности за содеянные правонарушения в интернете, в том числе и вытекающие из них (речь идет о преступлениях, совершенных впоследствии буллинга или вытекающих из конфликта в интернете), отсутствует — законодатель опирается на общие статьи Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях (менее часто статьи Гражданского кодекса), предусматривающие оскорбление, хулиганство, клевету, нарушение неприкосновенности частной жизни, угрозу убийством или причинением тяжкого вреда, доведение до самоубийства и другие виды правонарушений. Ни в одной норме права не определено понятие кибербуллинга, практически во всех нормах предусмотрен лишь квалифицирующий признак «с использованием информационно-телекоммуникационной сети, в том числе сети Интернет». Однако все эти нормы довольно разрозненны и их применение варьируется от состава к составу (правонарушения). На самом же деле в настоящее время существует огромное количество видов кибербуллинга: *Flaming* (оскорбление), *Harassment* (домогательство), *Denigration* (очернение, распространение слухов), *Outing and Trickery* (публичное разглашение личной информации), *Exclusion* (социальная изоляция) *Cyberstalking* (продолжительное домогательство и преследование), *Cyberthreats* (открытая угроза физической расправы) и иные, выделенные по конкретным основаниям классификации (по степени активности, по возможным последствиям, по временным рамкам, по сфере распространения). На данный момент существует контроль лишь за отдельными видами буллинга, которые не в полной мере охватывают весь спектр форм травли людей в интернете.

Таким образом, кибербуллинг — один из самых распространенных и наименее поддающийся правовой охране феномен. Отсутствие в законодательстве Российской Федерации на современном этапе специального закона, способного охватить всю полноту проблемы кибербуллинга, предусматривающего соответствующую ответственность, представляется серьезной проблемой.

Источники и литература

1. Черкасенко, О.С. Травля в социальных сетях / О.С. Черкасенко // Наука и мир. — 2015. — Волгоград — Т. 2. — № 8 (24). — С. 107–108.
2. ЕСПЧ защитил россиянку от кибербуллинга // URL: <https://pravo.ru/news/234762/> (дата обращения: 04.03.2024).
3. Амирова, Д.К. К вопросу об установлении уголовной ответственности за кибербуллинг / Д.К. Амирова, Ю.В. Куницына // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. — 2022. — № 1 (13). — С. 12–16.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954. Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.03.2024).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301. Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.03.2024).
6. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1. Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.03.2024).

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ «АГРЕССИЯ И НАСИЛИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

Агрессия животных и агрессия человека: одинаковы ли?

Завязкина Анастасия Романовна,
студентка (магистр),

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
юридический факультет, кафедра уголовного права и криминологии,
Москва, Россия,

e-mail: zavvazkina.anastasiya@yandex.ru

«Он был зверски убит, «сотворив такое, он повел себя как животное» — схожие фразы можно часто услышать в повседневной жизни. В связи с этим встречается мнение, что люди, проявляя агрессию, похожи на животных, что их агрессия проявляется одинаково, имеет одинаковые причины и истоки.

Подобное отождествление представляется неверным. Если развивать такие мысли, можно прийти к выводу, что агрессия, насилие и, как следствие, преступления, в которых они проявляются, обусловлены биологией, природой, а значит, не должны наказываться.

Поэтому необходимо разграничивать агрессию животных и агрессию человека. Это можно сделать с использованием нескольких критериев.

1-й критерий. Серьезность повреждений. Внутривидовая агрессия среди животных обычно не приводит к серьезным травмам и тем более смерти. Обычно такая борьба выражается в угрозах, укусах и — изредка — ранениях [1; 208].

2-й критерий. Наличие цели. Во-вторых, агрессия у животных всегда имеет цель: защита семейства, борьба за самку/пищу/территорию [3; 269]. Они не проявляют агрессию ради веселья, иррационально или беспричинно. В данном контексте интересна классификация агрессии, которую приводит Э. Фромм. Он выделяет «доброкачественную», или оборонительную, агрессию (нужную для сохранения индивида и рода), а также «злокачественную» агрессию (деструктивную и бесцельную, присущую только человеку) [4].

3-й критерий. Наличие плана, преднамеренность. Так, в частности, антрополог Ричард Рэнгем выделял реактивную и проактивную агрессию. Реактивная агрессия является оборонительной и импульсивной. Это реакция на угрозу или провокацию. Проактивная агрессия — наступательная, спланированная, преднамеренная агрессия. Пример ее проявления — различные войны. Животным свойственно проявлять скорее реактивную агрессию. Люди же более агрессивны в проактивном смысле [2].

4-й критерий. Открытость. Агрессия может быть разграничена на косвенную и прямую [5]. Косвенная агрессия является скрытой, обычно проявляется вербально (например, в виде сплетен). Прямая агрессия, наоборот, носит явный и физический характер (например, удары). Человеку свойственны оба вида, животные же скорее проявляют именно прямую агрессию.

Важно также отметить, что агрессия человека имеет и социальную природу, что, конечно, не свойственно агрессии животных. Социальными причинами, влияющими на проявление агрессии, зачастую называют взаимоотношения в семье или школе / иных сообществах, жестокость в медиа [6; 353–359], которую воспринимают зрители (в этом контексте сразу вспоминается роль медиа в геноциде в Руанде).

Таким образом, агрессия животных и агрессия человека имеют разную природу, разные черты и способы проявления, а потому некорректно обосновывать агрессивное пове-

дение человека утверждением, что люди — биологические существа, в природе которых изначально заложена «агрессия животных».

Источники и литература

1. Гишинский, Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я.И. Гишинский. Авторский курс. 4-е изд., перераб. и доп. — СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2018. — С. 208.
2. Рэнгем, Р. Парадокс добродетели / Р. Рэнгем. — М.: Издательство АСТ. — 2022. — 480 с.
3. Симонов, П. Знание — против зла. В: Диалоги: полемические статьи о возможных последствиях развития современной науки / П. Симонов. — М., 1979. — С. 269.
4. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. — М.: Республика, 1994.
5. Aggression and crime. Kevin M. Beaver. 21st Century Criminology. A Reference Handbook. Edited by J. Mitchell Miller // SAGE Publications, Inc; 1st edition (August 6, 2009).
6. Anderson, Craig A. and Brad J. Bushman. 2001. «Effects of violent video games on aggressive behavior, aggressive affect, physiological arousal, and prosocial behavior: A meta-analytic review of the scientific literature. к psychological Science. — 12. — 353–359.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ «АГРЕССИЯ И НАСИЛИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

Насильственная женская преступность в современной России

Преснякова Мария Сергеевна,

студентка (бакалавр),

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
юридический факультет, кафедра уголовного права и криминологии,*

Москва, Россия,

e-mail: mariapresnyakova1212@gmail.com

В докладе анализируется состояние и структура женской преступности, выявляются детерминанты и специфические черты женской насильственной преступности, выделяются характеристики личности женщины — насильственной преступности.

Основное место в структуре женской преступности занимают преступления против собственности (в 2020 году — 43,9%), преступления против жизни и здоровья на 2020 год составили 11,2%.

Женская насильственная преступность отличается от мужской причинами преступного поведения, способами и орудиями совершения преступлений, их масштабом и характером, выбором жертвы и др.

Женская насильственная преступность детерминируется комплексом социально-экономических, социокультурных и психологических причин.

Домашнее насилие в отношении женщин

*Осмонова Айтурган Бабединовна,
студентка (бакалавр),*

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
юридический факультет, кафедра уголовного права и криминологии,
Москва, Россия,
e-mail: aosmonova03@gmail.com*

В наиболее общем виде насилие представляется как подавление воли одного субъекта другим вопреки желанию первого. Насилие многообразно, многолико, многоаспектно и вездесуще. Соответственно, насилие присутствует во всех сферах жизни человека, в том числе в семейных отношениях. Летова Н.В. в монографии дает такое определение семейному насилию: «...разновидность социально опасного поведения, посягающего на жизнь, здоровье, неприкосновенность и безопасность личности, причинами которого являются конфликтные ситуации в семье, возникающие между отдельными ее членами, разрушающие последствия которого отражаются на всех аспектах жизнедеятельности семьи (члена семьи)».

Акт насилия порождается доминирующей культурой. В нашем обществе довольно долгое время существует такая форма социальной организации, как патриархат, где положение мужчины является главенствующим, в первую очередь в семье. Следовательно, женщина становится объектом, над которым стремятся установить власть. А насилие — это то, что связано с властью, контролем и страхом. Таким образом, домашнее насилие имеет четкое очертание гендерной проблемы, поэтому в данной работе я хочу поговорить о проблеме домашнего насилия в отношении женщин.

Согласно Декларации об искоренении насилия в отношении женщин, семейное насилие над женщинами — это акт насилия, совершенный на основании полового признака, который причиняет или может причинить физический, половой или психологический ущерб или страдания женщинам, а также угрозы совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы, которое имеет место в семье, в личной жизни.

Насилие в отношении женщины отличается высокой зависимостью от сущности семейных отношений, их личной и доверительной основы, что усиливает эмоциональную составляющую насилия. Нередко у таких женщин возникает так называемый синдром избиваемой женщины, она уже не может объективно оценить ситуацию, нередко начинает оправдывать насильника, становится беспомощной и зависимой от него. Кроме того, обычно жертва и агрессор проживают в одной квартире. Тем самым в подобной ситуации потерпевшей тяжелее уйти от насильника по многочисленным причинам.

Еще одной особенностью данного вида насилия является высокий уровень латентности. Так, согласно данным, собранным в ходе исследования семейных пар, проведенного в рамках проекта «Домашнее насилие» совета женщин МГУ, обращались в милицию с жалобой на мужа 19% женщин — жертв нападений (10% от числа всех опрошенных женщин). Половина женщин, считающих, что они нуждались в медицинской или правоохранительной помощи, не обращались за ней. За помощью в кризисный центр обращались менее 1% женщин, пострадавших от физического насилия. Несмотря на то что эти данные датируются 2003 годом, ситуация сильно не изменилась. Жертвы до сих пор не обращаются за помощью к правоохранительным органам. Этому способствуют сразу не-

сколько факторов. Одним из них является такое явление, как «виктимблейминг». Зачастую женщина, подвергшаяся насилию со стороны своего партнера, слышит фразу «сама виновата». Об этом также упоминалось в отчетах вышеуказанного исследования: «...около половины всех опрошенных — 44% женщин и 52% мужчин — считают, что побитая жена вообще не должна ни к кому обращаться за помощью, что ей следует подумать, в чем она сама виновата». В настоящее время в силу придания большей огласке проблемы домашнего насилия в отношении женщин, а также благодаря исследованиям в этой сфере обществом значительно чаще порицается обвинение жертвы в том, что с ней случилось. Однако в нашем обществе глубоко укоренена мизогиния, из-за чего женщины до сих пор боятся говорить о своих проблемах открыто, не чувствуя при этом стыда и унижения. Еще одной причиной высокой латентности данного вида преступлений является сложность получения защиты со стороны государства. Во-первых, возбуждение и расследование данной категории дел имеет свою специфику, связанную с особым порядком их возбуждения (по заявлению самой потерпевшей) и с объективными трудностями, возникающими при сборе, проверке и анализе доказательств, необходимых для следствия. Во-вторых, отсутствие содействия со стороны сотрудников правоохранительных органов. Так, в июле 2019 года Европейский суд впервые признал дискриминацией бездействие властей России, которые не предпринимают необходимых мер для борьбы с домашним насилием, на основании решения по делу Валерии Володиной. С 2016 года женщина обращалась в правоохранительные органы, но так и не смогла добиться защиты от избивавшего и преследовавшего ее бывшего сожителя. Также важным индикатором отличия домашнего насилия в отношении женщин является то, что насилие представляет собой повторяющиеся во времени инциденты множественных видов насилия (физического, сексуального, психологического и экономического). Физическое насилие — избивания, побои, рукоприкладство, пытки, истязания, нарушение неприкосновенности, толчки, пощечины, удары кулаком, нападения, нанесение травм, увечий, поджоги, изоляция, неоказание помощи, запугивание жестами, действиями, уничтожение предметов обихода, применение оружия.

Сексуальное насилие — секс без обоюдного согласия, против желания, с применением физической силы, угроз, запугивания, насильственное совершение полового акта, после побоев, секс как средство унижения и оскорбления.

Психологическое насилие — насилие с применением словесных и психических средств, принижение достоинства женщины, оскорбления, пренебрежительное отношение, ведущее к утрате самоуважения, упреки, брань, в том числе нецензурная, грубость, запугивание. Экономическое насилие — лишение ресурсов, запрещение работать, контроль за расходами, финансовый контроль и зависимость, осуществляющийся через выдачу денег только по просьбе и только на проживание, ограничение, отказ в деньгах, предоставление недостаточного количества средств для жизни, обязательные процедуры отчетов о потраченных средствах, сокрытие доходов, несправедливый раздел имущества, изъятие денег.

Конкретный случай домашнего насилия может включать в себя все четыре вида, несколько или один из них. Данные виды также могут чередоваться во времени и переходить от одного к другому.

Отношение государства к насилию в самом широком его понимании и значении, его негативная оценка формирует и соответствующее отношение общества к нему, определяет мнение каждого отдельного человека. Правовое регулирование домашнего насилия в отношении женщин в Российской Федерации представляет собой целое ничего. По

данным отчета Всемирного банка Women, Business and the Law за 2018 год, россиянок признали одними из самых незащищенных в мире от насилия: Россия набрала ноль баллов в области законодательства по защите прав женщин.

Впервые государством был сделан шаг в сторону осознания и принятия проблемы насилия в семье и необходимости особой защиты граждан от домашнего насилия 3 июля 2016 года, когда в статью 116 Уголовного кодекса РФ были внесены изменения, согласно которым ответственность за побои стала предусматриваться только в отношении близких лиц, равно из хулиганских побуждений, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Однако счастье длилось недолго. Противники борьбы с законом о профилактике домашнего насилия назвали данную меру «законом о шлепках», провели широкую общественную кампанию, пугая тем, что за шлепок ребенку теперь могут посадить его родителей, объявили эти прогрессивные поправки угрозой традиционным российским скрепам и активно лоббировали их отмену. В феврале 2017 г. были декриминализованы впервые совершенные семейные побои.

Насилие в отношении женщин может быть также рассмотрено в рамках отдельных статей Уголовного кодекса РФ, в тех случаях, когда в результате бездействия государственных органов обидчик совершает более тяжкие преступления. Однако данные положения не учитывают специфики преступных действий в отношении женщин и угрозы, которую представляет насилие их здоровью, безопасности и жизни.

Кроме того, большинство дел о насилии в семье отнесено к категории дел частного обвинения (ст. 115 ч. 1 УК РФ, 116.1 УК РФ).

На данный момент также не принят законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», который был представлен на общественное обсуждение Советом Федерации РФ в конце 2019 года.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ «АГРЕССИЯ И НАСИЛИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

Кибернизация насильственной преступности: современные вызовы

Чернакова Анастасия Андреевна,

студентка (бакалавр),

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
юридический факультет, кафедра уголовного права и криминологии,*

Москва, Россия,

e-mail: anastasiachernakova21@gmail.com

На сегодняшний день одним из универсальных способов отслеживания уровня агрессии и насилия в обществе является изучение статистических данных правоохранительных органов об уровне преступности в стране, а в частности, изучение тенденций насильственной преступности.

На основе данных МВД [2; 3] и Генеральной прокуратуры [1] России и их ежегодного отчета по состоянию насильственной преступности в России, можно отметить, что за последние 5 лет наблюдается стабилизация уровня насильственной преступности (с учетом периода небольшого роста в период эпидемии Covid-19). Согласно официальной статистике, общая доля насильственных преступлений снизилась в рассматриваемый период с приблизительно 20% до 5%. Однако свидетельствует ли это о снижении уровня агрессии в обществе? Для правильного понимания ситуации необходимо рассмотрение качественных изменений насильственной преступности.

Факторами, с которыми связывают [8; 177] произошедшие изменения являются: режим карантина и принудительная изоляция граждан в связи с предотвращением распространения заболевания, падение доходов населения, проблема трудоустройства, изменение условий работы правоохранительных органов, связанное с вышеназванными факторами повышение уровня тревожности в обществе, обострение чувства одиночества в связи с изоляцией, увеличение потребления алкоголя. Также вынужденная самоизоляция способствовала расширению использования технологических достижений, в том числе и приспособлению преступников к новым технологиям.

Преимущества для преступника в использовании информационно-телекоммуникационных технологий, устранивающих барьеры в реализации агрессии:

- первое и ключевое преимущество — анонимность [5; 35]. Используя различные широкие возможности, которые предоставляет интернет-пространство, преступник может изменить свою личность;
- обезличивание объекта посягательств, затрудняющее выстраивание эмоциональной связи между преступником и жертвой;
- повышение эффективности действий субъекта [4; 81], а в частности, расширение круга объектов, географии его действия, преодоления языковых барьеров.

Таким образом, интернет может играть различную роль в реализации агрессивных тенденций лица, а также в совершаемых им насильственных преступлениях.

1. Интернет-среда может быть промежуточным звеном, площадкой, где находят жертву или исполнителя своего агрессивного замысла, или обстоятельством, поощряющим противоправную деятельность лица. Ставя здесь вопрос об ответственности, мы преимущественно говорим об ответственности администраторов онлайн-площадок и сер-

веров за организацию данных площадок. Между тем законодатель, заинтересовавшись ужесточением ответственности пользователей таких платформ [9], вопрос об ответственности их организаторов не затрагивает.

2. Использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет может выступать способом непосредственно осуществления состава, не влияющим на квалификацию, не свидетельствующим о повышении уровня общественной опасности деяния.

3. Кроме того действия в интернете могут выступать как угрозы, которые потом перейдут в плоскость реальности. Так, например, угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью впоследствии могут быть реализованы лицом. В данном ключе интересным для рассмотрения представляется такой институт как stalking. Его признаки количественно отличаются от признаков имеющих в УК составов [7; 53], которые могли бы быть с ним связаны, также это деяние достаточно опасно, так как оказывает психологическое насилие на потерпевшего и может перейти в дальнейшем в физическое. Данный вопрос все еще не урегулирован законодателем, а между тем на подходе новые вызовы, связанные с кибернизацией агрессии, например изнасилования в виртуальной реальности [10], ставшие своеобразным развитием использования для изнасилования или причинения вреда здоровью технологий теледильдонки [6; 165].

Кибернизация общества идет широкими шагами, и нельзя недооценивать тот потенциал для реализации агрессии, который создают ее достижения. И если в одном случае будет достаточно простого понимания возможности такого способа причинения вреда и его профилактика, то в другом случае необходимо полноценное законодательное регулирование.

Источники и литература

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации главное управление правовой статистики и информационных технологий. Состояние преступности в России за январь — сентябрь 2020 года. — М., 2020. — 62 с.
2. Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр. Состояние преступности в России за январь — ноябрь 2022 года. — М., 2022. — 67 с.
3. Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр. Состояние преступности в России за январь — ноябрь 2023 года. — М., 2023. — 64 с.
4. Артюшина О.В. Насильственная преступность и IT-технологии // Lex Russica. — 2019. — № 9 (154). — С. 77–84.
5. Бродецкий, А. О некоторых особенностях распространения агрессии в соцсетях / А. Бродецкий // Digital-агрессия: что делать и кто виноват? — М., 2015.
6. Дремлюга, Р.И. Преступления в виртуальной реальности: миф или реальность? / Р.И. Дремлюга, А.В. Крипакова // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 3. — С. 161–169.
7. Зебницкая, А.К. Stalking (преследование): перспективы регулирования в правовом поле Российской Федерации / А.К. Зебницкая // Адвокатская практика. — 2020. — № 3. — С. 50–54.
8. Пахомова, Я.А. Пока все дома: домашнее насилие в период пандемии covid-19 / Я.А. Пахомова // Вопросы российской юстиции. — 2021. — № 12. — С. 177.
9. Приняты законопроекты об ответственности за треш-стримы. URL: <http://duma.gov.ru/news/58701/> (дата обращения: 08.03.2024).
10. Исследовательница рассказала об изнасиловании ее аватара в метавселенной // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/467175-issledovatel-nica-rasskazala-ob-iznasilovanii-ee-avatara-v-metavselennoj> (дата обращения: 08.03.2024).

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ СЕКЦИЯ «ОХРАНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ»

Охрана человеческого достоинства в связи с развитием биотехнологий

*Миронова Валерия Дмитриевна,
студентка (бакалавр),
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
юридический факультет,
Москва, Россия,
e-mail: mironova.valeriyamironova@ya.ru*

В теории предлагают классифицировать преступления против достоинства следующим образом:

- 1) преступления, посягающие непосредственно на честь и достоинство личности — ст. 1281 УК РФ;
- 2) преступления, направленные против профессионального достоинства потерпевшего — ст. 297, 2981, 319, 336 УК РФ;
- 3) иные преступления, посягающие на достоинство человека — ст. 148, 282, ч. 4 ст. 303, ст. 335 УК РФ [2, с. 88].

В данной классификации не выделены преступления, направленные против соматических прав человека, а также права, нарушающиеся в ходе взаимодействия по модели «врач-пациент», и объясняется это отсутствием такого рода составов в российском уголовном законе.

Биотехнологии активно развиваются в современном мире, появляются новые общественные отношения, ввиду чего следует рассмотреть вопрос о необходимости дополнения УК РФ нормами, охраняющими достоинства человека в этой плоскости.

А.И. Ковлер утверждает, что соматические права производны от личных. Личностные права — это разновидность личных прав, и в качестве обоснования говорит, что «сердцевину личных прав составляют право на жизнь и достоинство личности, право на свободу и личную неприкосновенность, свобода совести. Именно они, очевидно, являются базовыми, родовыми правами для личностных прав» [3, с. 425].

К соматическим правам, как правило, относят право на смерть, права человека в сфере распоряжения своими органами и тканями, сексуальные, репродуктивные права и право на перемену пола [4, с. 44].

Возможным примером нарушения анализируемых прав выступает применение мер физической фиксации пациентов, так как в РФ отсутствует четкий закрепленный порядок применения подобных мер.

Кроме того, отсутствуют нормы о наказаниях за лечение врачами несуществующих у пациента болезней, а также внушение ими наличия каких-либо отклонений в здоровье при отсутствии таковых на самом деле.

Кроме того, некоторые авторы выделяют такие преступления, которые по природе своей являются выступающими против половой неприкосновенности, однако совершаются под предлогом оказания медицинской помощи [1, с. 26]. За подобные деяния предлагается установить уголовную ответственность.

Не менее интересным является вопрос об установлении уголовной ответственности за злоупотребление соматическими правами, например участие врачей в программах суррогатного материнства с целью дальнейшей продажи детей.

Еще одним пробелом уголовного законодательства является отсутствие состава, устанавливающего ответственность за проведение экспериментов над людьми. Особенно много неясности с теми случаями, когда пациент получает стационарную медицинскую помощь и в силу некоторых своих особенностей, например недееспособности, не может осознавать, что именно делает с ним лечащий врач, и выразить свое согласие или несогласие, оказать какое-либо сопротивление не имеет возможности.

Таким образом, можно сделать вывод, что законодатель должен обращать внимание на деяния, которые совершаются с помощью новейших биотехнологий, и вовремя определять их общественную опасность для целей дальнейшей криминализации.

Источники и литература

1. Арзамасцев, М.В. Уголовно-правовые гарантии достоинства человека и развитие биотехнологий / М.В. Арзамасцев // Правоведение. — 2022. — Т. 66. — № 1.
2. Вертепова, Т.А. Честь, достоинство и репутация как объекты уголовно-правовой охраны / Т.А. Вертепова // Общество и право. — 2015. — № 1 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chest-dostoinstvo-i-reputatsiya-kak-obekty-ugolovno-pravovoy-ohrany>.
3. Ковлер, А.И. Антропология права / А.И. Ковлер. — М.: Норма: Инфра-М, 2002. — 480 с.
4. Лаврик, М.А. Конституционные основания соматических прав человека: вопросы теории и практика зарубежных государств / М.А. Лаврик // Сибир. юрид. вестник. — 2006. — № 1 (28).

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ СЕКЦИЯ «ОХРАНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ»

Эмпирическое исследование по уголовным делам о домашнем насилии

Магомедов Абдулкадыр Арсланович,

аспирант,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Москва, Россия,

e-mail: abdukkadirmagomedov@gmail.com

При проведении исследования на тему домашнего насилия нами было изучено 604 приговора по уголовным делам о домашнем насилии, что позволило сделать некоторые выводы.

Во-первых, по нашему мнению, государство не пресекает акты домашнего насилия и неэффективно борется с ним. Большое количество преступлений, предусмотренных статьями 105 и 111 УК РФ, совершается либо лицами, которые систематически подвергались домашнему насилию, либо теми, кто сам был агрессором в таких отношениях и домашнее насилие эскалировало в итоге до убийства или умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. Аналогично и в случае с преступлениями, предусмотренными статьями 107 и 108 УК РФ. Они в подавляющем большинстве случаев совершаются жертвами домашнего насилия, теми, кто регулярно подвергался ему и затем в состоянии аффекта либо при превышении пределов необходимой обороны совершает убийство обидчика или наносит ему тяжкий вред здоровью.

К этому приводит то, что государству не удастся пресекать домашнее насилие на более ранних стадиях. Во многих случаях потерпевшие подвергались домашнему насилию. Одной из причин является то, что сотрудники правоохранительных органов либо не относятся серьезно к преступлениям на семейно-бытовой почве, либо не знают, как правильно на них реагировать и помочь потерпевшим, либо не имеют такой возможности и полномочий.

Вторая проблема, которую мы обнаружили во время изучения судебной практики по делам о домашнем насилии (нами было исследовано 604 приговора), это слишком мягкие и, на наш взгляд, неэффективные наказания. Законодатель считает, что, когда преступление совершается между незнакомыми людьми при отсутствии повода или при наличии незначительного повода (из хулиганских побуждений), это более опасно, чем, когда преступление совершается в семейно-бытовых отношениях. Преступление из хулиганских побуждений является квалифицированным составом. Однако, как было нами указано, домашнее насилие непропорционально затрагивает женщин, а они по природе физически более слабые и у них меньше возможностей дать отпор преступнику, поскольку он, как правило, превосходит их по физическим характеристикам. К таким преступлениям государство тоже должно серьезно относиться, и это тоже должно быть квалифицированным составом соответствующего преступления.

Такой подход принят во Франции. Совершение преступления супругом или сожителем лица либо бывшим супругом или сожителем лица, если между их отношениями и преступлением имеется связь, — это квалифицированный состав, и наказание за совершение такого преступления усилено. Нам данный подход представляется правильным, такие преступления, на наш взгляд, не менее опасны, чем преступления из хулиган-

ских побуждений. Преступление из хулиганских побуждений в каком-то смысле может быть даже менее опасным для потерпевшего, чем преступление, связанное с домашним насилием. В случае совершения преступления на улице со стороны незнакомого человека потерпевший имеет возможность убежать и спастись тем самым от нападения. В случае же с домашним насилием потерпевший находится в замкнутом пространстве, в помещении, из которого убежать возможностей меньше.

Кроме того, важно учитывать также сложившиеся между лицами отношения. В случае насилия со стороны незнакомого человека лицо с большей вероятностью применит насилие в ответ либо обратится в правоохранительные органы. В случае же домашнего насилия лицо связано определенными личными отношениями с преступником, поэтому часто не обращается в правоохранительные органы с заявлением о преступлении и продолжает проживать в одном жилом помещении с лицом, которое систематически подвергает его насилию и совершает в отношении него преступление. На эту особенность семьи и домашнего насилия обращается внимание и в литературе. В литературе отмечается цинизм таких преступлений, поскольку жертва претерпевает насилие со стороны близкого лица. Мы считаем, что совершение преступления в отношении супруга или сожителя, а также бывшего супруга или бывшего сожителя, если это обусловлено сложившимися между ними отношениями, должно быть признано квалифицирующим признаком. Суды и государство, на наш взгляд, не воспринимают всерьез такие преступления и не считают их опасными. Лучше всего, по нашему мнению, это отражает статистика по статье 110 УК РФ. В 26% случаев, т.е. почти в каждом четвертом случае, лицу назначалось лишение свободы условно за доведение потерпевшего до самоубийства или до покушения на него. В 50% случаев лицу было назначено лишение свободы на срок до 3 лет, в том числе условно (12%). В 42% случаев лицу назначалось лишение свободы на срок от 3 лет, в том числе условно (14%). Во всех случаях, кроме одного, срок лишения свободы был менее 5 лет. В 18% случаев, т.е. почти в каждом пятом случае, в полицию поступало сообщение или заявление о преступлении, но она не реагировала, что доводило впоследствии до самоубийства потерпевшего или до покушения на него.

Статистика наказаний показывает, как «серьезно» судьи и государство относятся к такому деянию, когда лицо доводят до самоубийства или до покушения на него, хотя в данном случае речь идет о самой главной ценности — человеческой жизни.

Источники и литература

1. Матвеева, А.А. Законодательство о противодействии семейному насилию на примере стран СНГ / А.А. Матвеева. Криминологические проблемы поведения несовершеннолетних и молодежи, пути их решения. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 21 января 2020 г.). — М., 2020. — С. 173–183
2. Саламова, С.Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика [Электронный ресурс] / С.Я. Саламова // Lex Russica. — 2018. — № 9. — С. 131. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/domashnee-nasilie-v-sovremennoy-rossii-obschaya-harakteristika>

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ СЕКЦИЯ «ОХРАНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ»

Заведомость как признак клеветы

Завязкина Анастасия Романовна,

студентка (магистр),

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
юридический факультет, кафедра уголовного права и криминологии,*

Москва, Россия,

e-mail: zavyazkina.anastasiya@yandex.ru

Статьей 128.1 Уголовного кодекса РФ установлена ответственность за клевету, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию.

Данное определение включает в себя несколько признаков, позволяющих отнести конкретное деяние к клевете:

- 1) фактический характер суждений;
- 2) распространение сведений;
- 3) ложный характер сведений;
- 4) порочащий характер сведений;
- 5) заведомость.

Остановимся на последнем из них. И в судебной практике, и в доктрине довольно прочно закрепилось определение данного признака. Так, под заведомостью понимается точное знание лица о ложности распространяемых им сведений [2], их вымышленном характере и несоответствии действительности [4].

При этом, несмотря на кажущуюся на первый взгляд ясность данного определения, в практике нередко возникают путаница и сложности при обосновании наличия данного признака в конкретном деянии.

Так, например, в одном из дел журналисты выложили видеоролик, в котором обсуждали работников прокуратуры в следующих формулировках: «...представители прокуратуры фабрикуют уголовные дела, скрывают наркотрафик на территории Камчатского края». Суд, вынося приговор по ч. 5 ст. 128.1 УК РФ, обосновал признак заведомости следующим образом: причастность работников прокуратуры к упомянутым преступлениям не установлена, поэтому данные утверждения являются порочащими их честь и достоинство и носят клеветнический характер [3].

Представляется, что в данном случае суд все же не обосновал наличие или отсутствие признака заведомости. Недостаточно было определить, что сведения были ложными, нужно было доказать, что журналисты в данном деле об этом точно знали.

В другом же деле журналист нашел в сети Интернет статью, содержащую резкие высказывания в отношении общественного деятеля и его службы в рядах военно-морского флота. Журналист распечатал эту статью и показывал членам общественной организации. При вынесении оправдательного приговора суд отметил, что из действий данного лица не усматривается распространение заведомо ложных сведений, поскольку в указанный в статье период времени журналист не служил в рядах военно-морского флота, не являлся очевидцем изложенных в статье событий, следовательно, являются ли эти сведения ложными, журналист не знал [1].

Думается, что в этом деле суд корректно интерпретировал сформулированное выше определение признака заведомости, признав, что нет доказательств **точного** знания распространителя о ложности сведений, а потому и привлечь его к уголовной ответственности нельзя.

Необходимо также отметить, что, к сожалению, во многих делах о клевете суды воздерживаются от описания ее признаков, в особенности заведомости, что не способствует правовой определенности, а также мешает выработке критериев, позволяющих устанавливать в делах наличие или отсутствие данного признака.

Источники и литература

1. Апелляционное постановление Пудожского районного суда Республики Карелия от 17.06.2019 № 10-6/2019 // СПС «Консультант Плюс».
2. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.07.2023 № 77-3501/2023 // СПС «Консультант Плюс».
3. Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 18.08.2023 по делу № 1-129/2023 // СПС «Консультант Плюс».
4. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. «Статут». 2012 // СПС «Консультант Плюс».

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ СЕКЦИЯ «ОХРАНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ»

Проблемы квалификации насильственных хищений по признакам объективной стороны

*Равилов Ильмир Ринатович,
студент (магистр),*

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
юридический факультет, кафедра уголовного права и криминологии,*

Москва, Россия,

e-mail: ravidovir@my.msu.ru

В работе рассматривается проблема разграничения насильственных хищений по признакам «нападение» и «насилие» с опорой на советскую и российскую доктрину, практикообразующие решения Верховного Суда РФ, а также сложившуюся судебную практику. Авторы приходят к выводу, что насильственные хищения невозможно разграничить по признаку «нападение» вне зависимости от формы его осуществления (тайное/открытое), а разграничение насильственных хищений по степени и характеру примененного насилия вызывает у правоприменителя квалификационные сложности, чем обусловлено отсутствие единообразия в судебной практике по данному вопросу.

Прилагаются скриншоты работы. Выступление основано на материалах статьи, поступившей для публикации в журнал «Законность», и статьи, поступившей для публикации в сборник работ студентов и аспирантов под руководством Н.Е. Крыловой, сборник четвертый.

Иллюстрации

Рассматриваемое предписание не позволяет провести разграничение насильственных хищений, сопряженных с применением иных насильственных действий, в связи с чем представляется целесообразным скорректировать предложенное в Постановлении № 29 правило.

А.И. Бойцов, давая характеристику создающего угрозу для жизни или здоровья насилия, обоснованно указал, что таковым в том числе является насилие, которое должно было причинить вред здоровью, чего не наступило по независящим от лица обстоятельствам.³⁵ В качестве примера ученый приводит удар ножа о металлическую пряжку ремня, в результате чего вреда здоровью потерпевшему не причиняется, однако характер насильственных действий безусловно позволяет оценить степень примененного насилия как опасное для жизни или здоровья.

В связи с этим представляется обоснованным изложить предложенное в абзаце 7 п. 21 Постановлении Пленума № 29 предписание в следующей редакции: «...вопрос о признании в действиях лица грабежа или разбоя должен решаться с учетом характера и степени опасности этих действий для жизни или здоровья, а также последствий, которые наступили или **должны были наступить, но не наступили по независящим от лица обстоятельствам**», исключив правило квалификации иных насильственных действий, основанное на гипотетической возможности причинения опасного для жизни или здоровья вреда.

Проведенный анализ текущего нормативного регулирования насильственных хищений позволяет заключить, что нападение как элемент объективной стороны разбоя не может служить для разграничения указанного преступления с насильственным грабежом. Квалификационных проблем не возникает в случае причинения в результате примененного насилия вреда здоровью потерпевшего, содеянное в таком случае образует состав разбойного нападения. Однако, если примененное насилие причинения вреда

Рис. 1. Выдержка из статьи относительно анализа признака
«степень и характер примененного насилия»

хищению присущи внезапность, дерзость совершаемых действий, растерянность и замешательство очевидцев или даже их опасение подвергнуться вероятному насилию⁶. Суждения ученых соотносятся с позицией Яни П.С., утверждающего, что такие свойства нападения как внешнее агрессивное воздействие на потерпевшего, внезапность, насильственный характер нападения присущи любому насильственному посягательству,⁷ коим в том числе является насильственный грабёж.

Из сказанного следует, что предложенные авторами характеристики нападения в действительности служат для разграничения насильственных хищений не могут. На этом основании некоторые ученые не выделяют нападение в качестве самостоятельного элемента объективной стороны разбоя, *de facto* приравнивая его к примененному насилию. Например, Г.А. Кригер пишет, что «...законодатель подчеркивает значение охраны личности, относя разбой к тяжким преступлениям, **считая его оконченным преступлением уже в момент нападения.**» (выделено мной, И.Р.), читай - «считая его оконченным преступлением в момент применения насилия».

Согласиться с такой позицией едва ли возможно, так как *de jure* и в УК РФ, и в УК РСФСР, действовавшего на момент написания Г.А. Кригером упомянутого труда, состав разбойного нападения определяется как нападение, совершенное с применением насилия, угрозой насилия. Таким образом справедливы в своих суждениях те авторы, которые нападение с

⁴ Приговор Городецкого городского суда Нижегородской области от 16.11.2023 по делу N 1-281/2023

⁵ Приговор Железнодорожного районного суда города Орла от 24.03.2023 по делу N 1-76/2023(1-361/2022)

⁶ Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность: монография // Юрид. лит., 1986. с. 105.

⁷ Яни П.С. Вопросы квалификации разбоя // Законность. 2015. №9. С. 46.

Рис. 2. Выдержка из статьи относительно анализа признака «нападение»

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ СЕКЦИЯ «ОХРАНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ»

Некоторые проблемные вопросы квалификации участия в деятельности экстремистской организации

*Игнатьева Диана Денисовна,
студентка (магистр),*

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
юридический факультет, кафедра уголовного права и криминологии,*

Москва, Россия,

e-mail: ignatevadanyka2001@mail.ru

1. В ст. 282 УК РФ законодатель объединил три отличных друг от друга состава преступления, обладающих своей спецификой. При этом наиболее сложной для правоприменителя, как представляется, является ч. 2 ст. 282 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за участие в деятельности такой организации.

2. «Участие», как правило, заключается в осуществлении лицом различных функций в соответствии с возложенными на него обязанностями. Данное деяние состоит не в организаторских действиях, а в участии в уже организованной и управляемой экстремистской организации.

3. Весьма значимым для правильной квалификации содеянного является вопрос о том, образует ли сам по себе факт сохранения лицом членства в той или иной запрещенной организации состав участия в экстремистской организации. Разрешение данной проблемы, как представляется, напрямую зависит от ответа на вопрос об отнесении «участия в деятельности экстремистской организации» к делящимся либо продолжаемым преступлениям по критерию конструкции элементов состава. Представляется, что Пленум ВС РФ ориентирует правоприменителя на понимание участия как продолжаемого преступления.

4. Основной проблемой, связанной с выявлением содержания понятия «участие», является определение его границ. Крайне противоречивым является вопрос о поиске баланса между публичным интересом и границами сферы личных прав и свобод человека. Особенную остроту он приобретает в отношении членов религиозных организаций.

В 2021 году Пленум Верховного суда внес в постановление № 11 ряд положений правозащитного характера, направленных на недопущение уголовного преследования граждан за реализацию конституционно гарантированных прав и свобод. Так, помимо прочего, в соответствии с новыми разъяснениями пленума, допускается проведение коллективного, совместного исповедования религии (а также совершение богослужения или иных религиозных обрядов и церемоний) при условии отсутствия в действиях лица признаков экстремизма.

Дополнение постановления пленума № 11 новыми положениями представляет собой весьма значимый шаг правозащитного характера. Стремление пленума обратить внимание на столь существенный вопрос, долгое время остававшийся в тени, можно оценить сугубо положительно, однако в остальном приходится признать, что данные им разъяснения не разрешают обозначенную проблему в полной мере. Используемые пленумом формулировки оставляют открытыми ряд вопросов.

5. На сегодняшний день вопрос о разграничении преступных и не преступных действий в контексте членов религиозных организаций вызывает у судов значительные

трудности, поэтому говорить о каком-либо единстве судебной практике пока не приходится. Ознакомление с судебной практикой позволяет прийти к выводу об отсутствии у судов разных уровней четкого подхода к разрешению дел рассматриваемой категории.

6. О существовании именно религиозной организации, а не какой-либо хаотичной формы коллективного вероисповедания может свидетельствовать о наличии в ней собственных религиозным объединениям четкой структуры со своей иерархией (выделение разных категорий верующих внутри религиозной группы, обладающих своим специфическим положением, получение ими поручений со стороны «руководства», существование внутренней дисциплины), стремление членов вовлечь в свои ряды новых лиц путем пропаганды идеологии. Немаловажным признаком выступает наличие в такой группе своей финансовой базы, составление ее членами отчетов о финансово-хозяйственной деятельности. Отдельный блок составляют вопросы, связанные с доказыванием принадлежности конкретного лица к такой организации. В этих целях судам, вероятно, следовало бы обращать внимание на наличие у обвиняемого лица членства в указанной организации, прохождение лицом процедуры вступления в воссоздаваемую организацию и на иные факты, свидетельствующие о его прямой связи с ней (внесение им членских взносов, регулярность участия в проводимых мероприятиях и пр.). Значение имеет, как представляется, и самоидентификация лица в качестве члена организации.

Источники и литература

1. Апкаев, Д.М. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного статьей 282.2 УК РФ / Д.М. Апкаев, Д.А. Зыков // MODERN SCIENCE. — 2020. — № 11-1. — С. 44–48.
2. Борисов, С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дис. ... докт. юрид. наук / С.В. Борисов. — М., 2012. — С. 484.
3. Пудовочкин, Ю.Е. Преступления против безопасности государства / Ю.Е. Пудовочкин. — М., 2009. — С. 330.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ СЕКЦИЯ «ОХРАНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ»

Защита человеческого достоинства путем запрета принудительного брака

*Зинковская Полина Эльбертовна,
студентка (магистр),
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
юридический факультет,
Москва, Россия,
e-mail: poliinamissu@mail.ru*

Принудительный брак является «молодым преступлением» даже по меркам международного уголовного права. Впервые он был выделен в качестве отдельного преступления решением Апелляционной палаты Специального суда по Сьерра-Леоне по делу Брима, Камару и Кану в 2008 году.

До принятия данного решения более распространенной была точка зрения о том, что принудительный брак является формой рабства. Например, в докладе «Ликвидация рабства и его современных форм» Управление Верховного комиссара ООН по правам человека включило «принудительные браки и продажу жен» в раздел, посвященный «формам рабства».

В деле Онгвена МУС подтвердил обвинения в принудительном браке как еще одном бесчеловечном деянии в соответствии со статьей 7(1)(k) Римского статута. Таким образом, принудительный брак теперь выделяется в практике МУС как независимое преступление, отличающееся от сексуального рабства, так как «необязательно требует осуществления права собственности на человека». Отличием от изнасилования является навязывание жертве семейного положения, которое влечет за собой, по мнению Судебной Палаты, большую стигматизацию.

К юридическим признакам, которые разграничивают принудительный брак и сексуальное рабство, можно отнести «исключительность отношений (женщина не может вступать в половой контакт с другими, повстанцы даже договорились, что мужчина не должен «желать» жену своего соратника), наличие так называемых «супружеских обязанностей», например стирка, уборка, принудительный брак не всегда подразумевает недобровольные половые контакты, а также обязанность «мужа» по отношению к «жене» в обеспечении едой, одеждой и защитой, включая защиту от изнасилования другими мужчинами.

Таким образом, несмотря на обширную дискуссию в литературе и значительную аргументацию с обеих сторон, на наш взгляд, принудительные браки обладают своей спецификой и не могут быть сведены ни к одному из существующих преступлений против человечности. Они являются не только искажением содержания одного из фундаментальных институтов общества, но и одним из самых глубоких актов лишения свободы, которые могут быть совершены в отношении человека, причиняя ему длительные психические и физические страдания.

Исходя из этого, есть два варианта квалификации. «Остаточное» положение сексуального насилия или общее «остаточное» положение преступлений против человечности. Можно отметить, что отождествление «принудительного брака» и сексуального рабства приводит к пониманию данного преступления преимущественно как сексуального, но оно может иметь более комплексный характер. Например, когда «полевые жены» явля-

ются определенной тактикой для ведения войны, сексуальное преступление выходит на второй план. Необходимо подчеркнуть также, что принудительный труд, которому подвергаются «полевые жены», выходит за рамки состава сексуального рабства. При этом при квалификации через общее «остаточное» положение жертвы лишаются дополнительных прав, которые представляются правилами процедуры и доказывания (ст. 70 и 71).

Источники и литература

1. Triffterer, O. *The Rome Statute of the International Criminal Court: A Commentary* / O. Triffterer, K. Ambos. 3rd edn., C.H. Beck, Hart, Nomos, 2016.
2. Bunting, A. *Forced Marriage in Conflict Situations: Researching and Prosecuting Old Harms and New Crimes* / A. Bunting. — 2012. 1:1. — *Can J Hum Rts*.
3. Jain, N. *Forced Marriage as a Crime against Humanity: Problems of Definition and Prosecution* / N. Jain // *Journal of International Criminal Justice*. — Volume 6. — Issue 5. — November 2008.
4. Gong-Gershowitz, J. *Forced Marriage: A "New" Crime Against Humanity?* / J. Gong-Gershowitz. — 8 *Nw. J. Hum. Rts.* 53. — 2009.
5. *Information platform on gender-based violence during the Khmer Rouge Regime* // <http://gbvkr.org/gender-based-violence-under-khmer-rouge/facts-and-figures/forced-marriage/>
6. *Crimes Against Humanity In the 21st Century: Law, Practice, and Threats to International Peace and Security* / R. Dubler, M. Kalyk. Leiden, The Netherlands. — Boston: Brill, Nijhoff, 2018.
7. *Eboe-Osuji, C. Forced Marriage—an International Crime?* / C. Eboe-Osuji // *International Law and Sexual Violence in Armed Conflicts*. — Brill, 2012.
8. *Denov, M. The Many Harms of Forced Marriage: Insights for Law from Ethnography in Northern Uganda* / M. Denov, M. Drumbl // *Journal of International Criminal Justice*. — 349. — 2020.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ СЕКЦИЯ «ОХРАНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ»

Охрана человеческого достоинства представителя власти уголовно-правовыми способами

Фоменко Полина Вячеславовна,
*студентка (магистр),
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
юридический факультет, кафедра уголовного права и криминологии,
Москва, Россия,
e-mail: polinafomenko2001@mail.ru*

В первую очередь предлагается рассмотреть вопрос о возможности человеческого достоинства быть отдельным объектом уголовно-правовой охраны. Под достоинством личности в научной литературе [1; 32] понимается уважение моральных качеств, присущих человеку, непосредственно им самим, т.е. это некая внутренняя оценка лицом своей значимости. При этом зачастую оно рассматривается вкупе с понятием чести (в большинстве источников, в т.ч. и УК РФ, можно заметить постоянное употребление между названными категориями союза «и»), для которого характерна внешняя оценка человека со стороны общества. Так или иначе совершение преступлений, например против личности или половой свободы, задевает человеческое достоинство потерпевшего, но единственной статьей в главе 17 УК РФ, подразумевающей ответственность за посягательство на честь и достоинство как непосредственный объект, является ст. 128 УК РФ. Но даже там честь как объект посягательства затмевает достоинство (все-таки речь идет о распространении заведомо ложных сведений, порочащих человека в социуме, а не в его голове). Следовательно, на практике является невозможным охрана достоинства личности как самостоятельного объекта ввиду его сопряженности с честью на уголовно-правовом поле.

Далее следует обратиться к составным элементам объекта преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ. Во-первых, непосредственным объектом в литературе, как правило, называют посягательство на нормальную деятельность представителей власти в связи с исполнением ими должностных обязанностей [2], а также честь и достоинство представителей власти и их авторитет [3]. Однако уже на этой стадии анализа возникает вопрос об их соотношении между собой. Данный вопрос был подробно рассмотрен в докторской диссертации П.А. Филиппова [4; 210], чья позиция и аргументация представляются крайне убедительными. Там же поднимается вопрос соответствия ст. 319 УК РФ принципу равноправия со ссылкой на исследование Н.К. Рудый и затем дается на него отрицательный ответ, поскольку на данный момент ст. 130 УК РФ, находящаяся на другой чаше весов и защищающая в первую очередь достоинство личности тех, кто представителем власти не является, была исключена из УК РФ в 2011 году.

Отсюда назревает ряд проблем, одной из которых является разграничение достоинства личности и достоинства представителя власти, ядром которой является вопрос, почему достоинство лица, наделенного должностными полномочиями, требует особой уголовно-правовой охраны в отличие от достоинства личности просто в силу того, что она таковой является. Например, Борский городской суд Нижегородской области вынес приговор по ст. 319 УК РФ в отношении лица, которое «в присутствии двоих понятых-мужчин выражался в адрес сотрудника ДПС назвав его «дураком», также он ругался нецензурной бранью, т.к. был возмущен, что в отношении него составляется администра-

тивный материал» [5]. При этом в отношении обычного гражданина высказанное в лифте выражение «дура ипотечная» было признано малозначительным административным правонарушением [6].

Нельзя обойти стороной и право на свободу выражения мнений, в методах охраны которого стоит согласиться с зарубежными коллегами и, в частности, обратиться к опыту Германии, где «право критиковать меры государственной власти, не опасаясь санкций со стороны государства, даже в преувеличенной форме, является частью основной сферы фундаментального права на свободу выражения мнения» [7]. Причем это не зависит от того, является ли это выражением общественного мнения или происходит в контексте личного спора.

Также учитывается, что лицо, в отношении которого применяются какие-либо меры со стороны, например, сотрудника правоохранительных органов, может резко среагировать, назвав его, например, «глупый» (dumm), «неспособный» (unf`ahig), «издевающийся» (schikan`os) [8], пытаясь тем самым инстинктивно защититься от них. При этом рассматривалось дело, в котором лицо не привлекли к ответственности по § 185 УК ФРГ («Оскорбление») даже в том случае, когда оно держало плакат на стадионе с надписью «АСАВ!», которая означает нецензурное высказывание в адрес полицейских, поскольку, по мнению судей, ответчик вполне понятно объяснил, что он хотел вместе с другими болельщиками провести демонстрацию против насилия со стороны полиции на стадионе и на этом фоне нельзя было предположить, что его намерением было оскорбить полицейских на стадионе как конкретных людей [9].

Таким образом, критерии определения уровня «задеваемости» достоинства личности представителя власти являются весьма относительными и регулируются в государствах различными методами, в том числе и уголовно-правовыми. Тем не менее привлечение к уголовной ответственности за нарушение нормы об оскорблении представителя власти следует считать излишней при отсутствии общего состава в УК РФ.

Источники и литература

1. Авдеева, Е.В. Уважение чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве / Е.В. Авдеева // Российский судья. — 2020. — № 3. — С. 31 — 34.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Р.О. Долотов и др.; под ред. Г.А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2021. — 816 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы X — XII: В 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. — М.: Юрайт, 2017. — Т. 4. — 278 с.
4. Филиппов, П.А. Преступления против порядка управления: теоретико-прикладные проблемы и доктринальная модель уголовного закона: дис. / П.А. Филиппов. — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2018.
5. Приговор Борского городского суда Нижегородской области от 04.12.2020 по делу № 1-366/2020 // СПС «Консультант Плюс».
6. Решение Одинцовского городского суда Московской области от 04.08.2023 № 12-2142/2023 // СПС «Консультант Плюс».
7. OLG Zweibrücken, Beschl. V. 27.09.2018 — 1 OLG 2 Ss 31/18 // URL: https://www.burhoff.de/asp_weitere_beschluesse/inhalte/4776.htm
8. Ibid. Landgericht Karlsruhe Urteil, 08. Dez. 2011. — 11. — № 410 Js 5815/11 // URL: <https://ra.de/urteil/lg-karlsruhe/11-ns-410-js-581511-2011-12-08>

ЧАСТНО-ПРАВОВАЯ СЕКЦИЯ «АНАЛОГИЯ ЗАКОНА И ПРАВА КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРАВОВЫХ ПРОБЕЛОВ В РАМКАХ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА»

Правовые проблемы и неопределенности института групповых исков в гражданском процессуальном праве России

*Бузуова Ксения Игоревна,
студентка (бакалавр),
Московский государственный институт международных отношений,
Москва, Россия,
e-mail: butuzova.k.i@bk.ru*

Федеральный закон от 18.07.2019 № 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» дополнил Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее — ГПК) новой главой — 22.3 «Рассмотрение дел о защите прав и законных интересов группы лиц». В соответствии со статистикой, представленной Судебным департаментом при Верховном суде РФ, суды общей юрисдикции в порядке гражданского судопроизводства в 2020 г. рассмотрели 689 групповых исков, в 2021 г. — 741, а в 2022 г. — 5963. Представленные данные свидетельствуют о значительной популяризации групповых исков в Российской Федерации. Вместе с тем практика их применения вызывает спорные ситуации, связанные с отсутствием достаточного правового регулирования. В связи с этим предлагается внести отдельные изменения, предусматривающие уточнение особенностей рассмотрения судами общей юрисдикции групповых исков.

Во-первых, это изменения, касающиеся определяющего для института понятия — группы. Так, более чем вековая судебная практика в США сформировала основные критерии, по которым иск признается групповым: множественность, общность, типичность, адекватность и достоверность связи между истцами и ответчиком. Последние два критерия не нашли отражения в действующем ГПК, поэтому предлагается внести следующие изменения: ч. 1 ст. 244.20 дополнить подпунктом следующего содержания: «5) члены группы добросовестно и адекватно заявляют свои требования и также отстаивают свои интересы»; а ч. 2 ст. 244.21 дополнить предложением: «Принадлежность к группе лиц предполагает доказательство факта того, что требование истца является надлежащим и уместным».

Во-вторых, это неопределенность в процессуальном статусе представителя группы. В соответствии со ст. 244.22 ГПК РФ лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц, действует от имени всей группы без доверенности и пользуется всеми процессуальными правами и несет процессуальные обязанности истца, в том числе обязанность по уплате судебных расходов. Однако до конца не урегулирован вопрос о его полномочиях насчет распорядительных действий в гражданском процессе. Может ли данное лицо единолично влиять на материальную сторону иска в части изменения предмета или основания иска, увеличения или уменьшения исковых требований, отказа от иска без предварительной консультации с лицами, составляющими группу? Не урегулирован и вопрос отсутствия каких-либо особых критериев для лица, ведущего дело в интересах группы лиц (репутация, опыт в защите групп лиц, финансовая стабильность и независимость). В этом причина того, что групповые иски часто проваливаются. В связи с этим предлагается дополнить ч. 1 ст. 244.22 предложением: «Вести дело в интересах группы лиц вправе лица, достигшие возраста двадцати пяти лет, обладающие полной дееспособностью, имеющие

высшее образование и не имеющие судимости». Эти требования частично заимствованы из критериев, установленных к фигуре профессионального медиатора.

Что касается процессуального порядка рассмотрения споров, в России проведение предварительного судебного заседания по делам о защите прав и законных интересов группы лиц обязательно. В нем судья решает вопрос о соответствии группы лиц названным в законе условиям. Это прямо предусмотрено в АПК и ГПК. В КАС подобного правила не закреплено. При этом отмечается, что КАС тем не менее предполагает необходимость проверки условий предъявления группового иска. Одной из особенностей самого судебного заседания является наличие возможности предъявления членами группы заявлений о присоединении после принятия судом иска к производству. Здесь возможна дискуссия, поскольку прямо этот вопрос специальными положениями ГПК и АПК не регулируется, поэтому суд руководствуется общими нормами кодексов (аналогией закона). В частности, ст. 159 АПК РФ предусматривает, что после заслушивания мнений других лиц в судебном заседании разрешаются судом заявления (ходатайства) участвующих в деле лиц [3].

Далее для предотвращения нарушения прав индивидуальных истцов необходимо уточнить регулирование вопросов приостановления рассмотрения личных исков до разрешения спора по групповому требованию. Важное последствие группового иска — необходимость присоединения к нему истцов, предъявивших самостоятельные иски к тому же ответчику в целях достижения процессуальной экономии [4]. Предложение о введении в ГПК новой ст. 244.29 следующего содержания: «Рассмотрение индивидуального иска лица, входящего в группу, приостанавливается с момента принятия судом такого иска к производству до момента вступления в законную силу решения по групповому иску».

Наконец, остается открытым вопрос о возможности подачи повторного группового иска по аналогичному предмету и основанию. В ст. 244.28 ГПК РФ говорится о преюдициальности решения по делу о защите прав и законных интересов группы лиц. Отсюда и возникает вопрос: имеют ли лица, не успевшие присоединиться к групповому иску с момента его подачи до вынесения решения, право на повторное объединение в группу и подачу повторного группового иска? Представляется, что такая возможность может быть этим лицам предоставлена. Поэтому в ч. 2 ст. 244.28 необходимо указать: «Заинтересованные лица, не присоединившиеся к групповому иску до момента вынесения решения, не лишаются права на повторное объединение в группу и подачу повторного группового иска по тому же предмету и основанию».

Устранение пробелов в регулировании института группового иска поможет сделать судопроизводство более доступным, понятным и результативным, освободит суды от волокиты. Также предложенные изменения должны способствовать предотвращению злоупотреблений со стороны групповых истцов, чтобы цель участия группы лиц в гражданском процессе сводилась исключительно к защите нарушенного права.

Источники и литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 05.01.2024) // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. — № 30. — Ст. 3012.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 25.01.2024) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. — № 46. — Ст. 4532.
3. Долганичев, В.В. Групповой иск: сравнительный анализ нормативных конструкций АПК, ГПК и КАС РФ / В.В. Долганичев // Закон. — 2021. — № 2. — С. 36–45.
4. Домшенко, В. Групповые иски: приостановить нельзя продолжить / В. Домшенко. — Текст: электронный // Право.ру: [сайт]. URL: <https://pravo.ru/opinion/250141/> (дата обращения: 01.03.2024).

ЧАСТНО-ПРАВОВАЯ СЕКЦИЯ «АНАЛОГИЯ ЗАКОНА И ПРАВА КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРАВОВЫХ ПРОБЕЛОВ В РАМКАХ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА»

Применение аналогии закона и права в сделках РЕПО и банкротный приоритет покупателя ценных бумаг

*Никитин Антон Дмитриевич,
студент (магистр),
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Институт частного права,
Москва, Россия,
e-mail: anton.nikitin.05@internet.ru*

В гражданском законодательстве аналогия закона посвящена ст. 6 ГК РФ: если отношения сторон прямо не урегулированы законодательством и отсутствует применимый к ним обычай, к таким отношениям применяется гражданское законодательство, регулирующее сходные отношения [1].

Любая неясность закона требует решения. Одним из механизмов преодоления неточностей является аналогия. По мнению С.С. Алексеева, под аналогией понимается правовой институт, позволяющий урегулировать гражданско-правовые отношения [2; 42]. Л.А. Фомина рассматривает аналогию как способ преодоления пробелов в законодательстве [3; 25]. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что аналогия носит сквозной характер и регулирует широкий круг гражданско-правовых отношений.

Целью настоящей научной работы является выявление юридических особенностей сделок репо и изучение их влияния на процедуру банкротства с помощью аналогии закона и аналогии права.

Нормативное определение сделок репо закреплено в ст. 51.3 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 № 39-ФЗ (далее — Федеральный закон № 39-ФЗ). Договор репо представляет собой договор, по которому продавец обязуется в установленный срок передать в собственность покупателю ценные бумаги, а тот обязуется их принять и уплатить определенную денежную сумму, и по которому продавец обязуется выкупить ценные бумаги [4].

По мнению П.В. Хлюстова, сделка репо представляет собой вид непоименованного договорного типа — договора купли-продажи с обязанностью обратного выкупа [5; 54]. При этом нужно учитывать, что приобретение покупателем ценных бумаг права собственности на них служит для него обеспечением исполнения продавцом обязательства по их обратному выкупу. Данная позиция встречается в трудах П.П. Цитовича [6; 253] и А.Ф. Федорова [7; 675]. С моей точки зрения, право собственности на ценные бумаги стимулирует продавца осуществить выкуп ценных бумаг, а покупателю предоставляет защиту от негативных финансовых последствий, возникших в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения указанной обязанности продавцом.

Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости учета правил о приоритете залоговых кредиторов в банкротстве. Однако его не следует безоговорочно применять по аналогии закона. Это объясняется следующим образом. Из средств, вырученных от реализации предмета залога, семьдесят процентов направляется на погашение требований кредиторов по обязательству [8]. Применение такого подхода в сделках репо противоречило бы сущности права собственности, которое является самым широким по содержа-

нию вещным правом [9; 121]. Дальнейшей разработки данная концепция не получила. Итак, аналогия закона позволяет только учитывать правило о залоговом приоритете. Однако использовать ее невозможно.

В отсутствие возможности применения аналогии закона нужно руководствоваться смыслом гражданского законодательства, который выявляется через судебную практику по сходным отношениям. При решении вопроса о банкротном приоритете покупателя следует руководствоваться практикой по договору выкупного лизинга, который является непоименованным способом обеспечения исполнения обязательств. Право собственности на предмет лизинга служит обеспечением имущественных интересов лизингодателя на случай неисполнения денежных обязательств его контрагентом. Верховный Суд Российской Федерации при рассмотрении кассационной жалобы АО «Лизинговая компания «Европлан» в рамках дела о банкротстве ООО «СитиЭнерго» указал на то, что имущество, обеспечивающее исполнение обязательств перед кредитором, поступает в собственность кредитора при неисполнении обязательств должником и изымается из конкурсной массы [10]. Покупатель является кредитором продавца при осуществлении последним обратного выкупа ценных бумаг. Поэтому в случае неисполнения им указанного обязательства ценные бумаги поступают в собственность покупателя, что соответствует смыслу гражданского законодательства.

Таким образом, аналогия закона в сделках репо вызывает необходимость учета правил о залоговых кредиторах в банкротстве. Правоприменительной практикой по договору выкупного лизинга можно руководствоваться и при решении вопроса о банкротном приоритете покупателя, поскольку с помощью нее выявляется общий смысл обеспечительных конструкций.

Источники и литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 52-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1994. № 32. Ст. 3301. 5 декабря.
2. Алексеев, С.С. Структура советского права / С.С. Алексеев. — М.: Юрид. лит., 1975. — 264 с.
3. Фомина, Л.А. Аналогия закона и аналогия права в системе способов преодоления пробелов гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.А. Фомина. — М., 2009. — 27 с.
4. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг: [принят Государственной Думой 20 марта 1996 года: одобрен Советом Федерации 11 апреля 1996 года] // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 17. Ст. 1918. 22 апреля.
5. Хлюстов, П.В. Договор репо: цивилистическое исследование / П.В. Хлюстов. — М.: ИНФРА-М, 2016. — 198 с.
6. Цитович П.П. Учебник торгового права. Вып. 1 / П.П. Цитович. — СПб., Киев: изд. Н.Я. Оглоблин, 1891. — 316 с.
7. Фёдоров, А.Ф. Торговое право / А.Ф. Фёдоров. — Одесса: «Слава». Тип. Е. Хрисогелос, 1911. — 910 с.
8. Суханов, Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк / Е.А. Суханов. — М.: Статут, 2017. — 560 с.
9. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве): [принят Государственной Думой 27 сентября 2002 года: одобрен Советом Федерации 16 октября 2002 года] // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190. — 28 октября.
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 01.09.2021 N 305-ЭС20-8917(3) по делу N А40-185154/2017 // СПС «Консультант Плюс».

ЧАСТНО-ПРАВОВАЯ СЕКЦИЯ «АНАЛОГИЯ ЗАКОНА И ПРАВА КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРАВОВЫХ ПРОБЕЛОВ В РАМКАХ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА»

Субсидиарное применение гражданского законодательства к трудовым правоотношениям: устранение пробелов или дополнительное регулирование?

*Евстафьева Вероника Михайловна,
студентка (бакалавр),
Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия,
e-mail: vera-e2003@mail.ru*

На сегодняшний день одними из признанных способов устранения пробелов в праве являются аналогия закона и аналогия права [4; 341]. Пробелы в праве характеризуются отсутствием необходимых правовых норм для регулирования сложившихся общественных отношений. При этом аналогия закона разрешает указанную проблему посредством применения нормативного правила к отношениям, которые прямо не предусмотрены соответствующим нормативным актом.

Схожим правовым явлением, направленным на регулирование общественных отношений в отсутствие необходимого нормативного регулирования, является субсидиарное применение норм, основной особенностью которого является применение норм, относящихся к иной отрасли права.

Возможность субсидиарного применения правовых норм основывается преимущественно на генетическом и функциональном родстве различных отраслей законодательства [1; 46–55]. В совокупности эти нормы призваны регулировать отношения, имеющие, несмотря на разнородный, многоплановый характер, известное предметное единство, иными словами, составляют совместный предмет правового регулирования. Таким образом, субсидиарное правоприменение можно рассматривать как межотраслевую аналогию закона [2; 347–348].

Возможным проявлением субсидиарного применения норм права является применение норм гражданского права к трудовым правоотношениям. Трудовое право сочетает в себе черты, присущие как частному, так и публичному праву, что говорит о регулировании трудовых отношений как частно-, так публично-правовыми средствами: в имущественном и обязательственном сегменте трудовых отношений, связанных с договорным началом и равенством сторон, преобладает диспозитивное регулирование. Указанные обстоятельства в полной мере позволяют говорить о допустимости субсидиарного применения норм гражданского законодательства к трудовым отношениям [3; 111–112]. При этом субсидиарное правоприменение в рассматриваемом случае является прежде всего не расширением предмета правового регулирования гражданского права, а устранением пробелов в регулировании трудовых отношений.

На наш взгляд, в качестве основных сфер субсидиарного применения норм гражданского законодательства к трудовым отношениям можно отнести:

1) универсальное правило ст. 431 ГК РФ о системном толковании смысла договора, учитывающее не только лексические значения использованных слов и словосочетаний, но и смысловую направленность всего договора в целом, что связано с неурегулированностью данного института в трудовом законодательстве при частом возникновении споров относительно неоднозначных формулировок;

2) определение цены договора по правилам ч. 3 ст. 424 ГК РФ в случае отсутствия надлежащего оформления трудовых отношений, а также неуказания условий оплаты труда, в том числе размера должностного оклада;

3) возможность оспаривания трудового договора как сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств, а также признание ничтожности мнимых трудовых договоров (ч. 1 ст. 168, ч. 2 ст. 170, ч. 1–3 ст. 179 ГК РФ);

4) возможность взыскания работником убытков в случае незаконного увольнения (ст. 15 ГК РФ);

5) применение норм главы 60 ГК РФ об обязательствах вследствие неосновательного обогащения в совокупности с правилами ст. 137 ТК РФ, а также в случаях отсутствия соглашения сторон о размере оплаты дополнительной работы по поручению работодателя. Применение гражданского законодательства к трудовым отношениям в вышеназванных случаях имеет своей целью устранение пробелов в правовом регулировании трудовых отношений, что позволяет сделать вывод о том, что субсидиарное применение норм можно рассматривать в качестве частного случая аналогии закона. Данная аналогия является межотраслевой, что не является основанием для исключения ее функционального назначения в качестве способа регулирования однородных отношений.

Источники и литература

1. Абрамова, А.И. Субсидиарное применение правовых норм как способ оптимизации законодательного регулирования / А.И. Абрамова // Журнал российского права. — 2013. — № 10. — С. 46–55.
2. Алексеев, С. — С. Общая теория права / С. Алексеев. — М.: Юрид. лит.-ра, 1982. — Т. 2. — С. 347–348.
3. Братусь, С.Н. Предмет и система советского гражданского права / С.Н. Братусь. — М.: Госюриздат, 1963. — С. 111–112.
4. Матузов, Н.И. Теория государства и права: Учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. — М.: Юрист, 2001. — С. 341.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ СЕКЦИЯ «САНКЦИИ И ОДНОСТОРОННИЕ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ
В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ»

Цифровые технологии и санкционный режим в отношении России

*Панков Андрей Александрович,
студент (бакалавр),
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
юридический факультет, кафедра международного права,
Москва, Россия,
e-mail: Ondriy-Pankvov@mail.ru*

Режим санкций, с которым столкнулась Российская Федерация, вынуждает отечественного законодателя искать методы противодействия. Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» и Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ в данном вопросе наиболее интересны, так как именно они могут представить необходимые решения для сложившейся ситуации. Отключение России от системы SWIFT и угроза вторичных санкций для возможных партнеров России могут быть нивелированы вышеупомянутыми нововведениями. Цифровой рубль может предоставить необходимую инфраструктуру для транзакций вне системы SWIFT, что уже не раз отмечалось [1]. Цифровые финансовые активы могут помочь справиться с проблемой вторичных санкций, так как возможность отслеживать активность по ЦФА для регуляторов недружественных стран затруднена, что отмечает председатель комитета Госдумы по финансовому рынку Анатолий Аксаков [2]. Таким образом, получается, что отечественный законодатель создал достаточный инструментарий для преодоления сложившейся ситуации, но, к сожалению, с этим нельзя полностью согласиться.

Цифровой рубль может выступить в качестве альтернативы для системы SWIFT, но он требует для этого «банк, который будет готов заключить соглашение с ЦБ РФ» [3]. Это означает, что данный механизм уязвим для вторичных санкций, так как необходимость заключения отдельного соглашения не сможет гарантировать полноценную защиту от внимания недружественного регулятора. ЦФА, как говорилось выше, способен обеспечить защиту от внимания недружественного регулятора, но и тут имеются недостатки. Статья 4 Федерального закона от 31.07.2020 N 259-ФЗ указывает на то, что «запрещается принимать цифровые финансовые активы в качестве средства платежа или иного встречного предоставления за передаваемые товары...» Это означает, что ЦФА не является формой валюты, как цифровой рубль, а представляет собой форму смарт-договора, что может вызвать проблемы с моментом перевода средств в рамках договора, так как способ передачи самих средств в процессе реализации ЦФА в трансграничных переводах не до конца конкретизирован. В итоге создается ситуация, в которой имеющиеся инструменты защиты способны отвечать только одной мере, пока режим санкций предполагает возможность использования сразу нескольких мер, что означает отсутствие полноценного инструментария для противодействия санкционному режиму. И поэтому кажется досадным упущением нежелание федерального законодателя использовать криптовалюты в качестве аналога цифрового рубля для международных расчетов. Существующие крип-

товалюты способны выполнить обе поставленные задачи, так как они также тяжело видны для недружественного регулятора и не требуют заключения отдельного соглашения с Центральным Банком. Поэтому нежелание отечественного регулятора уделить внимание криптовалюте как способу трансграничного расчета вне системы ЦФА кажется настоящей проблемой.

Источники и литература

1. Маслов А.В., Швандар К. В. Новые международные проекты по использованию цифровых валют центральных банков в трансформации трансграничных расчетов // Финансовый журнал. — 2023. — № 2.
2. ЦБ предложил дать зарубежным банкам доступ к цифровому рублю с 2025 года. Могут ли их заинтересовать такие расчеты в условиях санкций // РБК.RU. URL: <https://www.rbc.ru/finances/10/10/2023/6523e87b9a7947b24f71b430> (дата обращения: 10.03.2024).
3. ГД приняла закон о цифровых финансовых активах в международных расчетах // Право.Ru. URL: <https://pravo.ru/news/251776/> (дата обращения: 10.03.2024).
4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
5. Положение Банка России от 24.11.2022 N 809-П (ред. от 10.01.2024) «О Плане счетов бухгалтерского учета для кредитных организаций и порядке его применения» (зарегистрировано в Минюсте России 29.12.2022 № 71867).
6. Проект Федерального закона № 1080911-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., подготовленная ГД ФС РФ ко II чтению 27.02.2024).
7. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 24.07.2023 № 339-ФЗ.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ СЕКЦИЯ «САНКЦИИ И ОДНОСТОРОННИЕ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ
В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ»

Пробелы правового регулирования статуса иностранного агента в Российской Федерации

Гутникова М.О.,

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
юридический факультет, кафедра конституционного и муниципального права,
Москва, Россия,
e-mail: margaritagutnikova666@gmail.com*

Бишарян Е.С.,

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
юридический факультет,
Москва, Россия,
e-mail: evabisharyan2004@gmail.com*

В последнее время в России наблюдается тенденция по признанию все большего количества лиц в качестве иностранных агентов (далее по тексту — иноагенты). В 2012 году был принят Федеральный закон от 20.07.2012 № 121 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, который закрепил порядок его признания лица иноагентом». С этого момента представленный закон подвергается широкой критике как внутри России, так и за ее пределами, в том числе Венецианской комиссией, Комитетом ООН по правам человека и Комиссаром Совета Европы по правам человека. Более 60 организаций оспорили применение к ним положений об иностранных агентах в Европейском суде по правам человека [2].

В современном мире в условиях непрекращающихся санкций со стороны недружественных государств институт иноагентов требует усовершенствования. Правовой статус иноагента в России определяется в соответствии с положениями статьи 1 Федерального закона от 14.07.2022 № 255 «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»: это лицо, получившее поддержку и (или) находящееся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющее деятельность, виды которой установлены статьей 4 закона [1]. И теоретики, и практики неоднократно отмечали несовершенство такого рода определения. Во-первых, оно не раскрывает сущности и особенностей данного субъекта, а, во-вторых, содержит отсылку к иной статье того же закона для уточнения видов деятельности, которая является незаконной и выступает в качестве основания для признания субъекта иноагентом [4].

Среди основных законодательных пробелов также существуют сложности с отсутствием определения аффилированных с иностранными агентами лиц [5]. Для того чтобы понять, что вообще значит «аффилированное лицо» (не только с иностранным агентом), приходится обращаться к статье 53.2 Гражданского кодекса РФ, согласно которой в случаях, когда закон ставит наступление правовых последствий в зависимость от наличия между лицами отношений связанности (аффилированности), наличие или отсутствие таких отношений определяется в соответствии с его положениями. Говоря более простым языком, аффилированные лица — это лица, которые находятся во взаимозависимости друг от друга.

Явный барьер создает большое число разрозненных статей и их частей с запутанными формулировками и неконкретными понятиями, которые к тому же меняются и дополняются. В трех административных статьях предусмотрено наказание для некоммерческих организаций, незарегистрированных объединений и физических лиц, выполняющих функции иноагента, за непредоставление, предоставление несвоевременно или не в полном объеме в уполномоченный орган сведений, представление которых предусмотрено законом и необходимо для осуществления уполномоченным органом своей законной деятельности [3]. Из этой формулировки неясно, какие именно сведения подразумеваются: идет ли речь о той или иной отчетности или, например, о заявлении о включении в реестр. Такая неоднозначность особенно критична для физических лиц-иноагентов: для них повторное нарушение может привести к уголовной ответственности.

Венецианская комиссия отмечает несколько ключевых отличий от российского законодательства об иностранных агентах, которые подчеркивают некоторые из основных его недостатков. В США Закон о регистрации иноагентов (FARA) требует, чтобы он действовал «в интересах иностранного принципала». Напротив, российское законодательство в большинстве случаев не требует каких-либо конкретных доказательств того, что физическое или юридическое лицо (иноагент) действительно действует в интересах конкретного иностранного лица [2]. Законодательство Израиля об иноагентах устанавливает минимальный порог для иностранного финансирования, который приводит к возникновению обязательств по специальной отчетности и публичному раскрытию информации. В российском же законе такого минимального порога не существует. Более того, израильское законодательство касается только пожертвований от иностранных политических субъектов (то есть иностранных государств или связанных с государством учреждений), в отличие от российского, где оно этого не касается [2].

Актуальность данной дискуссии подчеркивает и сложившаяся сейчас судебная практика. Первым знаковым решением в этом вопросе стало Постановление Конституционного суда РФ от 08.04.2014 № 10-П, в котором суд указал, что статус иноагента несет информационную функцию и не может выступать основанием для дискриминации, выступая в роли «угрозы для государственных институтов». Также весьма интересны аргументы, которые привел судья В.Г. Ярославцев в особом мнении в рамках данного постановления, обращая внимание на неясность понятий «политическая деятельность», «политика» и другие, что создает правовую неопределенность для лиц и может привести к дискриминации и нарушению принципа равенства. Следующей важной вехой в рассуждениях Конституционного суда стало отказное определение КС от 27.12.2023 № 3554-О, где заявителем АНО «Институт права и публичной политики» была предпринята попытка установления определенности в расплывчатых положениях законодательства. Анализ существующих позиций позволит чуть больше понять логику законодателя и найти способ для усовершенствования рассматриваемого института.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что действующее законодательство об иноагентах требует масштабной переработки и дополнений. На сегодняшний день в Государственной Думе РФ на рассмотрении находятся два законопроекта — № 19728-8 и № 35591-8, каждый из которых в той или иной мере касается проблем, поднятых в настоящей работе. Возможно, их принятие будет способствовать совершенствованию правового регулирования рассматриваемого института, так как он имеет важное значение как для государства в целом, его безопасности и должного функционирования, так и для общества в лице проживающих в нем людей и их информационной безопасности.

Источники и литература

1. Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 29 (часть II). Ст. 5222.
2. Заключение Венецианской комиссии № 1014/2020 от 6 июля 2021 года о соответствии международным стандартам в области прав человека ряда законопроектов, внесённых в Государственную Думу России с 10 по 23 ноября 2020 года и вносящих изменения в законодательство об иностранных агентах. [https://venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2021\)027-e](https://venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2021)027-e) (дата обращения: 06.03.2024).
3. Артемьева, К.А. Проблемы правового регулирования статуса иностранного агента в Российской Федерации / К.А. Артемьева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 40 (487). — С. 163–165.
4. Грибанкова, Н.А. Статус иноагента: современные проблемы толкования / Н.А. Грибанкова // Новый юридический вестник. — 2023. — № 1 (40). — С. 12–16.
5. Салихова, М.А. Правовое регулирование деятельности иностранных агентов в России / М.А. Салихова, А.О. Пузанов // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика. Материалы международной научно-практической конференции. — Донецк, 2021. — С. 601–607.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ СЕКЦИЯ «САНКЦИИ И ОДНОСТОРОННИЕ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ
В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ»

**Временное управление имуществом как специальная
экономическая мера в Российской Федерации:
пределы ограничения права собственности**

*Атажанов Фархад Сардорович,
студент (магистр),*

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
юридический факультет, кафедра конституционного и муниципального права,
Москва, Россия,*

e-mail: farkhad.atazhanoff@gmail.com

Все большее нарастание противоречий в глобальной политике при нецелесообразности открытого вступления в вооруженный конфликт (поскольку оно неминуемо влечет распространение на отношения норм «права войны» — международного гуманитарного права: о развязывании агрессивной войны, военных преступлениях и т.д.) и невозможности использования абсолютно легитимного международно-правового инструментария, а именно принудительных мер, вводимых резолюциями Совета Безопасности ООН, побуждает отдельных субъектов международного права применять так называемые односторонние ограничительные меры, правомерность которых с точки зрения действия таких императивных принципов международного права, как принцип суверенного равенства государств и принцип неприменения силы и угрозы силой (впрочем, буквальное толкование последнего принципа не сужает объем данного понятия до неприменения вооруженной силы), вызывает большие сомнения.

Между тем фактически и юридически неустраняемая иллегальность односторонних ограничительных мер в дискурсе международного публичного права не должна проецироваться на внутреннее право государств. Правовое регулирование порядка применения подобных мер должно быть полностью интегрировано в национальную систему права в целях подчинения принципам правовой определенности и надлежащей правовой процедуры, которые, в свою очередь, обеспечивают защиту всех остальных принципов — конституционных ценностей материального содержания.

Рассмотрим, отвечает ли вышеописанным требованиям отечественная практика применения односторонних ограничительных мер, на примере введения временного управления имуществом. Данная мера была учреждена Указом Президента Российской Федерации, но лишь затем была прямо закреплена в законе в числе допустимых специальных экономических мер (мер воздействия на недружественные действия иностранных государств). Согласно новым нормам, глава государства наделяется правом как превентивного, так и реактивного введения временного порядка управления в отношении имущества физических и юридических лиц, так или иначе аффилированных с недружественными государствами. Решение о включении и исключении имущества принимает глава государства. Временным управляющим по общему правилу является Федеральное агентство по управлению государственным имуществом, однако Президент Российской Федерации в каждом конкретном случае может определить иное лицо в качестве временного управляющего. Временный управляющий осуществляет полномочия собственника, за исключением правомочия распоряжения, в целях обеспечения сохранности такого имущества.

При этом финансирование расходов, связанных с управлением имуществом, производится за счет средств от его использования.

Упуская из внимания тот факт, что новая специальная экономическая мера была введена Президентом Российской Федерации в отсутствие должной регламентации на уровне закона (впрочем, данное обстоятельство всегда может быть объяснено, во-первых, открытостью законодательного перечня, во-вторых, обязанностью главы государства принимать безотлагательные меры по охране государственного суверенитета и, в-третьих, ввиду экстраординарной международной обстановки образованием законодательного пробела, восполнить который вправе Президент Российской Федерации в порядке опережающего норморегулирования под отменительным условием), вызывает вопросы ответственности нового контрсанкционного (антикризисного) законодательства антикоррупционному, поскольку заложенная возможность назначения временным управляющим не только Росимущество, но и любое другое лицо (как публичное, так и частное, как юридическое, так и физическое) повышает риск коррупционности. Кроме того, отсутствует сколько-нибудь содержательное раскрытие «пучка правомочий» временного управляющего, кроме как указания на запрет отчуждения и иного распоряжения.

На основании действующего норморегулирования можно заключить следующее: временное управление имуществом представляет собой некий новый правовой режим имущества, отличающийся, во-первых, от наложения ареста на имущество как обеспечительной меры в рамках судопроизводства и исполнительного производства (на обеспечительную меру более всего похоже блокирование (замораживание) имущества, однако и оно вовсе не обязательно должно быть увязано с судебным процессом); во-вторых, от внешнего управления как процедуры в деле о банкротстве юридического лица, вводимой судом на определенный срок в целях восстановления платежеспособности должника; в-третьих, от доверительного управления, поскольку последнее вводится на добровольных договорных началах (в отдельных случаях — на основании закона) на определенный срок в интересах учредителя или выгодоприобретателя и вполне может включать в себя правомочие распоряжения; в-четвертых, от конфискации как безвозмездного изъятия орудий, предметов и доходов от противоправных действий; в-пятых, от реквизиции как временного возмездного изъятия имущества ввиду обстоятельств чрезвычайного характера; в-шестых, от изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд как добровольного или принудительного возмездного изъятия земельного участка и находящихся на нем объектов в публично значимых целях; и наконец, в-седьмых, от национализации как возмездного изъятия имущества в рамках проведения соответствующей государственной политики.

Стоит подчеркнуть, что рассматриваемая нами специальная экономическая мера не является выдумкой отечественного правопорядка. Аналогичный институт «внешнего управления» (смысл отличается от смысла, придаваемого ему российским банкротным законодательством) был спешно учрежден ФРГ и Республикой Польша в 2022 году и применен в отношении акций дочерних обществ российских холдинговых (вертикально интегрированных) компаний.

Несмотря на имеющиеся пробелы и недостатки, нельзя не отметить благоразумие российского законодательства в части недопущения легализации механизма принудительно-безвозмездного отчуждения имущества лиц, не совершивших какие бы то ни было правонарушения, в отличие от Европейского Союза, который в нарушение собственных же актов первичного права (ратифицированных конвенций, имеющих конститутивный характер) принимает акты вторичного права, позволяющие государствам-членам кон-

фисковать активы подсанкционных российских лиц ввиду одного только факта включения в эти самые санкционные списки. Так, Германия уже воспользовалась такой возможностью и спустя несколько месяцев после передачи во внешнее управление национализировала (что в данном контексте тождественно конфискации) российское предприятие. Более того, в институтах ЕС все чаще выступают с инициативой на уровне всего интеграционного объединения обратить имущество россиян в залог под условие исполнения ими обязательства в виде выделения средств на восстановление Украины. Очевидно, что даже такая более витиеватая и завуалированная форма не меняет сути предлагаемого решения — насильственное изъятие всего объема заблокированного имущества российских лиц в отсутствие встречного предоставления без бремени доказывания виновного совершения подсанкционными лицами преступлений, поскольку именно доказанная в судебном порядке и установленная вступившим в законную силу приговором суда вина конкретного лица в совершении конкретного преступления служит необходимым основанием применения такой меры наказания (в российском уголовном законе — это иная мера уголовно-правового характера), как конфискация.

Таким образом, установленный частью 3 статьи 35 Конституции Российской Федерации, пусть и неидеально сформулированный с точки зрения юридической техники, предел ограничения права собственности в виде запрета на принудительное отчуждение имущества для публичных нужд без предварительного и равноценного возмещения по-прежнему, вопреки всем имеющимся негативным прецедентам в зарубежной практике, соблюдается российским законодателем.

Источники и литература

1. Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О специальных экономических мерах и принудительных мерах».
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «О противодействии коррупции».
3. Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединённых Штатов Америки и иных иностранных государств».
4. Указ Президента РФ от 25.04.2023 № 302 (ред. от 19.02.2024) «О временном управлении некоторым имуществом».
5. Charter of Fundamental Rights of the European Union (European Parliament, 21 February 2001, retrieved 23 December 2009).
6. Consolidated text: Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine.
7. Council Decision (CFSP) 2022/430 of 15 March 2022 amending Decision 2014/512/CFSP concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine
8. Guide on Article 1 of Protocol No. 1 to the European Convention on Human Rights. Protection of property. Updated on 31 August 2022.
9. Сагдеева, Л.В. Право на защиту собственности в актах Европейского Суда по правам человека / Л.В. Сагдеева. — М., 2014. — С. 113–148.
10. Экономические санкции против России: правовые вызовы и перспективы (Сборник статей) / Под ред. С.В. Гландина, М.Г. Дораева. — М., 2018. — С. 2–24, 78–160.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ СЕКЦИЯ «САНКЦИИ И ОДНОСТОРОННИЕ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ
В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ»

Проблема разграничения понятий «санкции» и «односторонние ограничительные меры»

*Дементьева Екатерина Сергеевна,
студентка (бакалавр),
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
юридический факультет,
Москва, Россия,
e-mail: dementeevaekaterina@yandex.ru*

XXI век характеризуется новым этапом развития санкционного законодательства. Государства и международные организации используют различные способы политического и экономического давления друг на друга. Одним из таких методов является использование суверенными субъектами односторонних ограничительных мер, которые зачастую противоречат фундаментальным принципам международного права. Например, таким как принцип невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств, принцип обязанности государств сотрудничать друг с другом, принцип суверенного равенства государств и др. Однако институт «односторонних ограничительных мер» является одной из менее разработанных тем в современном международном праве в силу отсутствия достаточной кодификации Комиссией международного права ООН и четко установленного специального правового режима применения данных мер. Это вызывает множество вопросов, связанных с терминологией «односторонних ограничительных мер» и «санкций» и вытекающей из этого легитимности данных мер. Особенно эта тема актуальна в связи с неправомерным введением в отношении России различных санкций и односторонних ограничительных мер в течение последних 10 лет.

Термин «санкции» был впервые упомянут в тексте Версальского мирного договора 1919 г., заключение которого официально положило конец Первой мировой войне. Однако в настоящее время до сих пор нет однозначного понимания данного термина в международном праве. Сегодня понятие «санкции» используется по-разному: в узком и широком смысле. Говоря о принудительных мерах, используемых Советом Безопасности ООН в целях поддержания или восстановления международного мира и безопасности, мы понимаем санкции в узком смысле. Здесь важно обратить внимание на особенного и исключительного субъекта, который обладает полномочием по применению этих мер — Совет Безопасности. Данный подход к понятию «санкции» получил широкое распространение в отечественной доктрине международного права, в то время как санкции в широком понимании — это меры принуждения, которые применяются против государства, уклоняющегося от ответственности за совершенное им правонарушение [1]. Такое понимание института санкций приводит к тому, что государства и международные организации именуют санкциями различные меры экономического и политического принуждения, которые, по сути, иногда даже нарушают нормы международного права, касающиеся суверенитета государств, и ущемляют интересы национальных правительств. Таким образом, следует говорить о применении санкций исключительно как о прерогативе Совета Безопасности ООН.

Что касается односторонних ограничительных мер, то, как отметил К.В. Крицкий в своей диссертации [2], Г. Хуфбауэр и Дж. Шотт, создавшие одну из наиболее известных работ по проблеме применения американских ограничительных мер, предлагают по-

нимать под односторонними санкциями «меры по ограничению или разрыву обычных торгово-финансовых отношений с целью принудить правительство другой страны к совершению желаемых действий» [3]. Важно, что в отличие от санкций, введенных Советом Безопасности ООН, односторонние ограничительные меры имеют абсолютно иную правовую природу, а именно горизонтальный эффект действия: данные меры воздействия применяются одним суверенным субъектом международного права по отношению к другому, обладающим таким же правовым статусом на международной арене, то есть эти субъекты равны. Поэтому возникает вопрос о легитимности применения односторонних ограничительных мер: например, как одно государство может оказывать негативное политическое влияние на другое без правомерных на то оснований и в угоду своим интересам?

Российский законодатель издает нормативно-правовые акты с наименованиями, прямо указывающими, что отечественная доктрина различает санкции и другие принудительные меры. Например: Федеральный закон «О специальных экономических мерах и принудительных мерах», Федеральный закон «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств».

На основе анализа терминологии института «санкций» и «односторонних ограничительных мер» возникает проблема легитимности последних. Так как зачастую сегодня лидеры на мировой арене, вводя односторонние меры, именуют их санкциями, по сути, подменяя понятия и скрывая неправомерность таких своих действий. Поэтому для того, чтобы пресечь дальнейшее нарушение мирового порядка, экономического сотрудничества государств, взаимоуважения и сотрудничества, данная проблема должна быть решена.

Главным средством разрешения вопроса разграничения понятий «санкции» и «односторонние ограничительные меры» представляется более тщательная кодификация вопросов международной ответственности государств и применения мер принуждения. Как отметили в своей работе С.В. Бахин и И.Ю. Еременко, в настоящее время нуждаются в нормативной регламентации два взаимосвязанных вопроса: 1) о допустимости односторонних экономических мер реагирования на противоправное поведение государств и их объединении; 2) о правовых рамках применения таких мер [4]. Кроме того, к данным вопросам можно отнести и такой как: что такое «односторонние ограничительные меры»? Следует инициировать обсуждение данных теоретических аспектов на международном уровне и зафиксировать решение этих проблем в нормативных актах международных организаций и в национальном законодательстве государств.

Важно создать термин, точно определяющий юридическую природу «односторонних ограничительных мер» для предотвращения подмены понятий различными принудительными мерами и установить специальный правовой режим для применения подобных односторонних ограничительных мер, который позволит ввести определенные пределы и границы оказывания такого влияния государствами и международными организациями друг на друга. А также подобный режим поможет обеспечить соблюдение основополагающих принципов международного права.

Источники и литература

1. Словарь международного права/ под ред. М.М. Авакова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Международные отношения, 1986. — С. 360–361.
2. Крицкий, К.В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10. — Казанский (Приволжский) федеральный университет / К.В. Крицкий. — Казань, 2021. — С. 78–79.
3. Hufbauer, G. Economic Sanctions Reconsidered: History and Current Policy / G. Hufbauer, J Schott. — Washington: Institute for International Economics, 1985. — P. 71.
4. Бахин, С.В. Односторонние экономические «санкции и международное право / С.В. Бахин, И.Ю. Еременко // Закон. — 2017. — № 11. — С. 173.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ СЕКЦИЯ «САНКЦИИ И ОДНОСТОРОННИЕ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ
В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ»

Влияние санкций на институт прекращения права собственности

*Котовой Алексей Сергеевич,
студент (специалист),
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Институт прокуратуры, Москва, Россия,
e-mail: kotovoi@bk.ru*

Россия имеет значительный опыт противостояния экономическим санкциям, однако именно в последнюю их волну, начавшуюся в феврале 2022 г., санкционный режим в отношении России приобрел наиболее масштабный и системный характер. Россия стала лидером по числу действующих в отношении нее ограничительных мер [1, 63]. В декабре 2023 года спикер Государственной Думы заявил о введении 18 772 незаконных ограничительных мер после утверждения Евросоюзом 12-го санкционного пакета против России [2]. Это огромное воздействие неминуемо повлияло на основы вещных прав, включая право собственности, которое закреплено в законодательстве всех стран [3, 31]. Учитывая, что принцип неприкосновенности частной собственности является неотъемлемым составляющим правового регулирования вещных прав современных правопорядков и признается на международном уровне [4], необходимо изучить особенности прекращения этого права в условиях санкций.

В сентябре 2023 года Еврокомиссия (ЕК) подтвердила [5] интерпретацию санкционного законодательства относительно граждан России, согласно которому ввоз личных смартфонов, автомобилей и косметики может рассматриваться как недопустимый импорт. Позднее ЕК разъяснила, что конфискация техники и автомобилей является всего лишь рекомендацией для 27 стран Евросоюза (ЕС), которые должны самостоятельно решить, следовать им или нет [6]. Возмущение вызвало поведение таможенных служащих Германии, которые задерживали и изымали автомобили российских граждан, въезжающих в Германию на своих машинах [7]. Таможня действовала на основании статьи 3i Регламента 833/2014 [8], устанавливающей эмбарго в отношении России и охватывающей любое перемещение товаров, даже в личных, не коммерческих целях. Такая интерпретация положения регламента может быть рассмотрена как злоупотребление правом, поскольку статья 3i запрещает ввоз или передачу в страны ЕС товаров из списка в приложении XXI, которые «приносят значительный доход для России» (то есть, возможно, продажа товара) [7]. Под угрозу конфискации попадают все предметы, перечисленные в приложении XXI к статье 3i, если они имеют российское происхождение или dsdjpzncz из России (например, косметика (ТН ВЭД 3304), чемоданы (4202), ноутбуки (8471), мобильные телефоны (8517)).

Такие действия помимо здравого смысла противоречат и основному пониманию принудительного изъятия имущества у собственника. Как писал Е.А. Суханов, такое изъятие допустимо: а) только в случаях, исчерпывающим образом перечисленных в данном пункте; б) по общему правилу на возмездных основаниях, т.е. с компенсацией собственнику стоимости изымаемой вещи (вещей); в) в судебном порядке либо при возможности судебного оспаривания как решения об изъятии вещи, так и размера компенсации [9, 143].

Таким образом, можно сделать вывод, что влияние санкций на отношения собственности воспринимаются некоторыми субъектами как возможность злоупотребления правом. Такое восприятие не только ограничивает нормальный гражданский оборот, но и нарушает личные права людей.

Источники и литература

1. Право в условиях санкций: монография / под общ. ред. М.В. Мажориной, Б.А. Шахназарова. — Москва: Проспект, 2023. — 464 с.
2. В Госдуме назвали число введенных против РФ санкций // газета.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/12/19/21956761.shtml> (дата обращения: 03.03.2024).
3. Анохин, С.А. Право собственности как основополагающее право в системе вещных прав / С.А. Анохин // Вестник экономической безопасности. — 2020. — № 2. — С. 31–34.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с Протоколом N 1 (Подписан в г. Париже 20.03.1952). Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963). Протоколом N 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // СПС «Консультант Плюс».
5. URL: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2023-09/faqs-sanctions-russia-listed-goods_en.pdf (дата обращения: 03.03.2024).
6. Германия подтвердила, что конфискует у россиян вещи на границе. Какие еще страны будут отнимать товары у граждан России? // Lenta.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2023/09/13/avto/> (дата обращения: 03.03.2024).
7. ЕС запретил россиянам ввозить личные автомобили, смартфоны и шампуни // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/economics/10/09/2023/64fc726c9a79471818cd2333> (дата обращения: 03.03.2024).
8. Council Regulation (EU) № 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // EUR-Lex [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02014R0833-20221204> (дата обращения: 03.03.2024).
9. Суханов, Е.А. Вещное право. Научно-познавательный очерк: Учебное пособие / Е.А. Суханов. — 2017. — 561 с.

Научное издание

Материалы всероссийской научной конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых

ПРОБЕЛЫ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

*Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
18–21 марта 2024 г.*

Сборник тезисов

Подготовка оригинал-макета:
Издательство «МАКС Пресс»
Главный редактор: *Е.М. Бугачева*
Компьютерная верстка *Н.С. Давыдова*
Обложка *А.В. Кононова*

Подписано в печать 14.03.2025 г.
Формат 60х90 1/8. Усл.печ.л. 8,05.
Тираж 4 экз. Заказ № 034.

Издательство ООО «МАКС Пресс»
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, 2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./Факс 8(495)939-3891.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. 1, ком. 6.3-23Н